П. Г. ГОЛОВИН

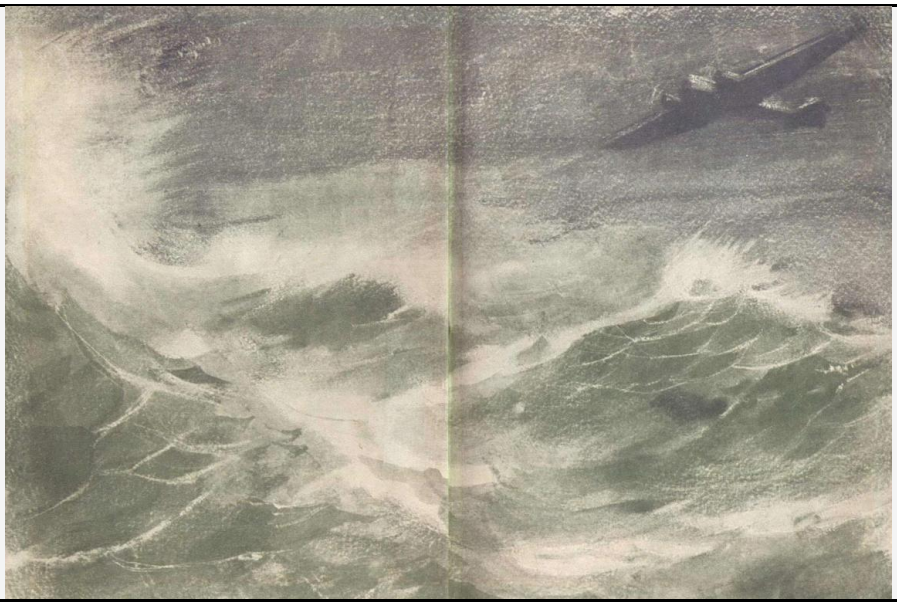
КАК Я СТАЛ ЛЕТЧИКОМ

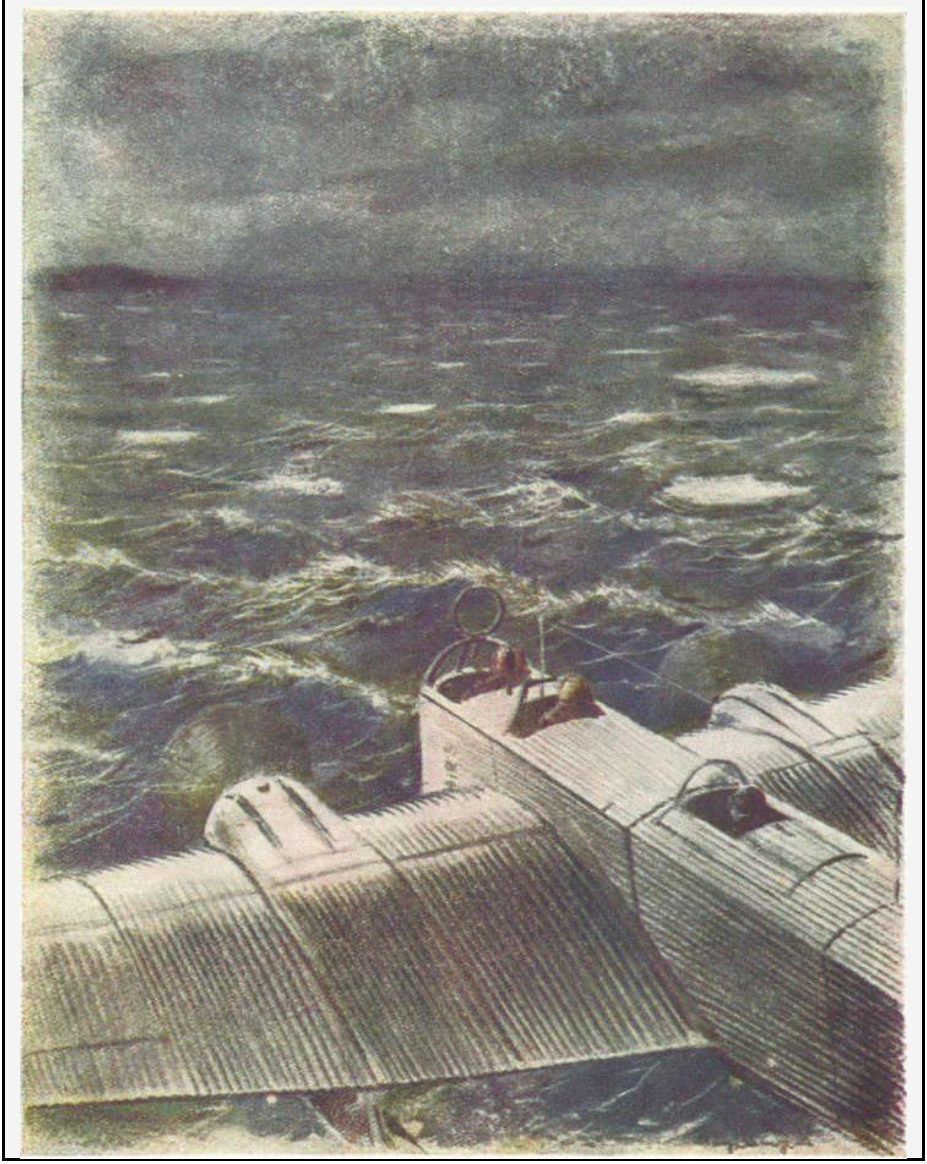
ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ 1939

SHOUT
SHARE
IT

- Как я стал летчиком
  -
  - Глава I
  - Глава II
  - Глава III
  - Глава IV
  - Глава V
  - Глава VI
  - Глава VII
  - Глава VIII
  - Глава IX
  - Глава X
  - Глава XI
  - Глава XII
  - Глава XIII
  - Глава XIV
  - Глава XV
  - Глава XVI

Как я стал летчиком





П. Г. ГОЛОВИН

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

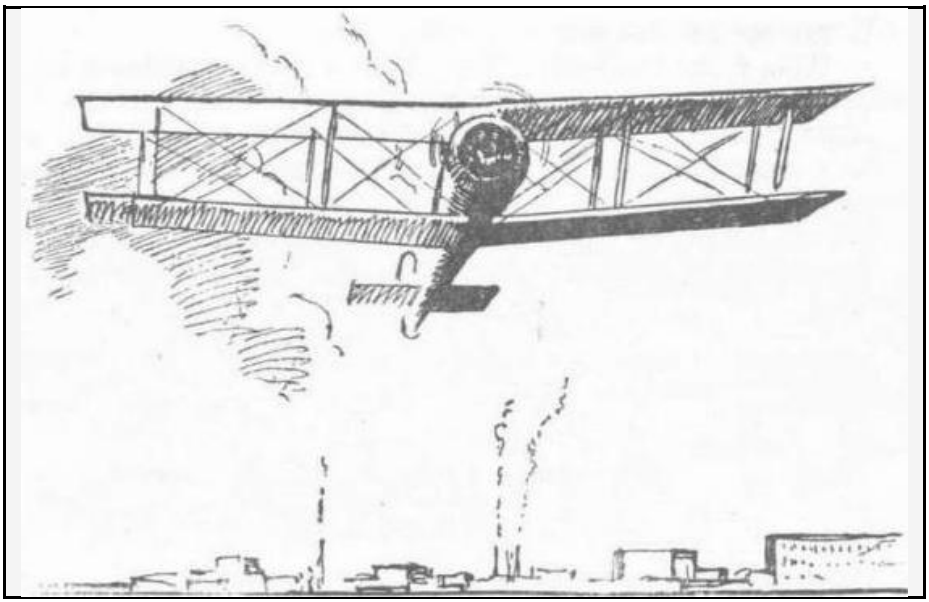
КАК Я СТАЛ ЛЕТЧИКОМ

Записал и обработал
Н. МОЛЧАНОВ

Рисунки
П. АЛЯКРИНСКОГО

Центральный Комитет
Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1938 Ленинград

Глава I
ДЯДЯ ГРИША



У моего отца был товарищ. А у этого товарища был племянник. Он часто приезжал к нам погостить. Мы его звали «дядя Гриша», потому что он был большой, а мы маленькие. Мне было тогда шесть лет, а ему — целых семнадцать.

Дядя Гриша учился в гимназии — так тогда называлась средняя школа. Ученики гимназии — гимназисты — носили особую форму: серую тужурку с серебряными пуговицами и фуражку с гербом. Мне это, помню, очень нравилось.

Дядя Гриша был веселый, хохотун и большом озорник. Отец мой его очень любил и всегда говорил про него:

— Умница!

И тут же прибавлял:

— Одна беда: озорник!.. Тебе, Гриша, головы надолго нехватит. Потеряешь ты ее где-нибудь.

Дядя Гриша только бывало усмехается на эти слова.

Мне дядя Гриша очень нравился, и я мечтал: когда вырасту большой, непременно буду таким, как он.

Когда в гимназиях начинались весенние каникулы, дядя Гриша приезжал к нам, и весь наш маленький дом поднимался на ноги. Быстрый, как ртуть, дядя Гриша ни минуты, думается, не

мог усидеть на месте. Он готов был купаться в речке с утра до ночи, лазить по деревьям за птичьими гнездами, бегать взапуски или с таким азартом играть в футбол, что даже старикам завидно становилось.

Однажды он взял у отца велосипед и отправился кататься. Через час принесли обломки от велосипеда, а следом приплелся и сам дядя Гриша.

Оказывается, ему надоело кататься по улицам, и он решил попробовать съехать но лестнице, которая вела с крутого обрыва к реке.

Отец посмотрел на изуродованный велосипед и помятого дядю Гришу и только головой покачал.

— Ну, брат, — сказал он, — после таких дел тебе одно осталось: поступить в летчики… На Земле, должно быть, тебе не удастся сломать себе голову. Попробуй, авось в воздухе сломаешь!..

А нужно вам сказать, что в те времена летчиков было очень мало. Тогда люди только что начинали учиться летать. И самолетов было немного. У нас в городе живого, настоящего летчика никто в глаза не видел. Только в газетах про них читали, как они на войне с немцами дерутся. Тогда только что началась империалистическая война.

Вечером, когда почтальон приносил свежую газету, отец читал вслух новости с фронта. Мы с сестрой, маленькие, слушали и ничего толком не понимали. Дядя Гриша хмурился и блестел глазами, особенно, если новости с фронта были невеселые. А после того как прочитывалась газета, начинал спорить с отцом о том, кто кого побьет: наши немцев или немцы наших. Они всегда спорили.

Пришла осень. Дядя Гриша собрался уезжать в гимназию. Последние дни перед отъездом он ходил притихший, задумчивый и почти ни с кем не говорил. Даже спорить с отцом перестал. И газеты читал один. Возьмет газеты, уйдет в сад и там читает в всё бывало хмурится и глазами поводит, будто боится, что кто-нибудь его мысли узнает.

Прошло с неделю, как уехал дядя Гриша, и вдруг отец получает письмо. Помню, входит к вам в комнату, и лицо у него растерянное.

— Ну, вот, — говорит, — так я и знал!

— А что такое? — встревожилась мать.

— Гришка-то поступил в летчики!..

Года через полтора он опять появился у нас. В отпуск приехал с фронта. Вместо серенькой формы гимназиста на нем была новенькая красивая форма военного летчика. На груди

позвякивали ордена. Про него творили, что он очень отличился на войне.

Когда он выходил из дому и шел по улицам, тонкий, подтянутый и очень красивый, то изо всех окон высовывались головы любопытных горожан, и десятки глаз смотрели на дядю Гришу, словно он был какое-то «чудо-юдо», а не просто человек.

— Летчик… — шептали ему вслед.

А он шел не оглядываясь, спокойный, сверкая на солнце своими орденами и ярко начищенными крагами.

Как я ему завидовал!

И старался подражать ему во всем: в походке, в голосе. Учился так же прищуривать глаза, как делал он. Пробовал даже сделать себе из картонки краги, а из оловянной бумаги — ордена…

Одно только мне непонятно было: как же дядя Гриша летает? Я ведь никогда еще не видел аэроплана, а по рисункам и рассказам старших он мне представлялся чем-то вроде велосипеда с крылышками.

Дядя Гриша теперь не купался и не бегал взапуски. Должно быть, стыдно было. Он считал себя совсем взрослым. А мы, мальчишки, робкой стайкой ходили вслед за ним по улицам в наблюдали издалека, разинув рты, как галчата, за каждым его движением.

А он нас даже не замечал. Иногда, посвистывая, оглядывал небо, и нам тогда казалось: свистни он погромче, и к нему сверху, как в сказке, прыгнет «сивка-бурка, вещая каурка» — аэроплан. Дядя Гриша сядет на него и полетит бить немцев. И будет вот так же посвистывать. Ужас, какой храбрый!..

По вечерам отец попрежнему читал вслух газету, а дядя Гриша слушал и хмурился. Или смотрел прищуренными глазами куда-то вдаль; и мне тогда казалось: когда дядя Гриша на фронте, то нашим никогда не попадет от немцев.

Очень я его любил!

На улице мы играли в «войну». Тоже воевали. Партия на партию. Одни были «немцами», а другие — «нашими». Немцами быть никому не хотелось. Поэтому, чтобы не обидно было, приходилось чередоваться: сегодня одни были «немцами», а завтра — другие. А я всегда играл в «дядю Гришу» и всегда «бил немцев». Крепко им от меня доставалось!

Помню, как после ужина я прокрадывался в дальний угол комнаты и сидел там в полутьме, тихо, как мышонок: старался дышать еле-еле, чтобы не услыхала мать и не прогнала бы спать.

После ужина дядя Гриша непременно что-нибудь рассказывал о своей жизни на фронте.

Мне запомнился один такой рассказ, как он на своем одноместном самолете сражался с двумя германскими истребителями.

Дядя Гриша достал из чемодана пробковую каску и показал в ней маленькую дырочку.

— Вот как смерть летает! — сказал он, надевая каску на голову.

Немецкая пуля пробила каску на волосок от головы дяди Гриши.

После итого рассказа я всю ночь но спал. Я бредил… Мне снилось, как высоко-высоко в небе летает дядя Гриша, а рядом с ним кружит смерть… Дяди Гриша увертывается, скользит на одно крыло, падает камнем вниз, чтобы через секунду опять «свечой» взмыть кверху. Самолет его маленький, блестит на солнце… А за ним гонится смерть, как стая черных воронов. Они окружают его сверху, снизу, с боков. Но он, кружась, забирается все выше и выше… И вдруг… падает им на спины и начинает клевать, долбить…

— Так их… так!.. — кричу я и мечусь в постели.

— Павлик! — окликает, проснувшись, мать. — Что ты?

— Опять Гришкиных басен наслушался!.. — ворчит отец. — Говорил тебе, гони мальчонку спать!

Отпуск кончился. Дядя Гриша опять собрался на фронт. Настал последний вечер. Пили чай дольше, чем обычно, и молча. Не спорили о том, кто кого побьет: наши немцев или наоборот. Не хотелось спорить перед расставаньем. Однако отец не вытерпел и, прощаясь с дядей Гришей, сказал:

— Нет, брат, что там ни говори, а накладут нам немцы по шее! К тому дело идет.

Дядя Гриша усмехнулся и присвистнул:

— Небось!..

Тут его взгляд остановился на мне, и он вдруг рассмеялся так весело и радостно! Бывало так прежде он смеялся, когда плавал со мной наперегонки.

— Не накладут, Павлик, нам немцы?

— Небось!.. — ответил я в тон ему и очень серьезно.

Все засмеялись.

Никто тогда не знал, о чем думал я.

А думал я вот о чем: стать летчиком и так же, как дядя Гриша, приезжать к отцу в отпуск и задиристо с ним спорить, что наших никогда не побьют.

Я уже видел себя в мечтах, как иду по улицам родного города и все смотрят на мою пробковую каску, всю пробитую пулями, дырявую, как решето.

Я иду, посвистывая, подтянутый, прямой…

А вслед мне шепчут:

— Летчик!..

А через месяц после того, как дядя Гриша уехал на фронт, пришла телеграмма. В ней было написано, что немцы убили дядю Гришу…

Глава II
ПЕРВЫЙ ПЛАНЕР

Прошло еще несколько лет. Окончилась война с немцами, потом — гражданская. Вырос я, а что толку? Все равно еще мальчишка тринадцатилетний. Ужасно я на себя досадовал, что медленно расту!

Вот уже сколько лет прошло, как убили дядю Гришу, а я не забыл ни его рассказов, ни того, что маленьким еще дал себе слово обязательно стать летчиком.

Дома об этом и слышать не хотели. Особенно моя мама, она и думать спокойно не могла, что я когда-нибудь стану летчиком. Ей вспоминался дядя Гриша. И она любила говорить, что вот, мол, какой малый сорви-голова был, а от немецкой пули не увернулся. На земле, глядишь, цел бы остался, а полез в воздух и смерть себе достал…

— И с тобой, Павлик, то же будет!

Я слушал молча, а про себя думал: «Не испугаешь!..»

Отец тоже ворчал:

— Учишься плохо. Чем у тебя голова забита? Летчик! Дождешься — выгонят из школы. Куда пойдешь? Неученого теперь и в пастухи не возьмут.

А учился я, правда, неважно. Ленился очень. Сижу в классе на уроке, а мысли нивесть где далеко. Мечтал, как стану летчиком. Мне тогда казалось, что для этого только одно и нужно: большим вырасти. А летать, мол, научусь. Я — смелый.

Сейчас смешно об этом вспоминать, какой я был глупый тогда. Не знал, что, прежде чем стать летчиком, нужно много учиться. На учебники школьные смотрел с неохотой. Что в них толку? Зачем они мне? Я ведь не задачи решать буду, а летать. Бывало не дождешься, когда уроки в классах кончатся. Едва пробьет звонок — пулей из школы и бежишь что есть духу по кривым нашим улицам к Павлу Ивановичу.

Павел Иванович заменил мне дядю Гришу.

Когда окончилась гражданская война, он приехал в наш город. Что он делал на войне, этого я сейчас не помню. Знаю только, что летчиком он не был. Почему им не сделался, тоже не знаю. А мечтал «полетать» не меньше, чем я — мальчишка.

Жил Павел Иванович у нас в городе: работал в каком-то учреждении, а в свободное время мечтал. Ему хотелось построить свой планер. Вы, конечно, знаете, что такое планер? Он похож на маленький самолет, только мотора и пропеллера у него нет, а

поэтому сам он взлететь с земли не может. Если же запустить планер в воздух, то он будет летать, или, как говорят планеристы, «парить». На нем можно высоко взлететь, улететь за сотни километров и вернуться обратно. Как летают на планерах, я расскажу потом, когда речь зайдет о том, как я сам стал планеристом.

Сейчас планер — не диковина. В каждом городе и даже во многих колхозах есть планеры, и на них учатся летать молодые планеристы. Каждый, кто пожелает, может поступить в планерную школу и стать планеристом. А планеры у нас строят на специальном заводе, и стоят они недорого: в четыре раза дешевле грузовых автомобилей. Но в то время, когда я был мальчишкой, ничего этого не было: ни завода, ни планерных школ, да и планеристов было мало — несколько десятков человек на весь Советский Союз.

Научиться летать на планере — дело не хитрое. Был бы только хороший планер да инструктор. А вот самому построить планер — куда мудренее! Не всегда это удается. Бывает и так. Построят планер. С виду, посмотреть, красивый, всё, как полагается. А запустили его в воздух — он и не летает. Значит, какая-то ошибка в конструкции — неверно сделали расчет. Вся работа пропала даром — начинай все сначала.

Прежде чем начать строить планер, готовят на бумаге чертеж. На этом чертеже обозначено, какой вид будет у планера, какой размер у каждой его части. Это называется расчетом. Расчет составляет конструктор планера. Потом с этих чертежей снимают мерку и по этим меркам выпиливают из фанеры части будущего планера. Он весь строится из фанеры и полотна.

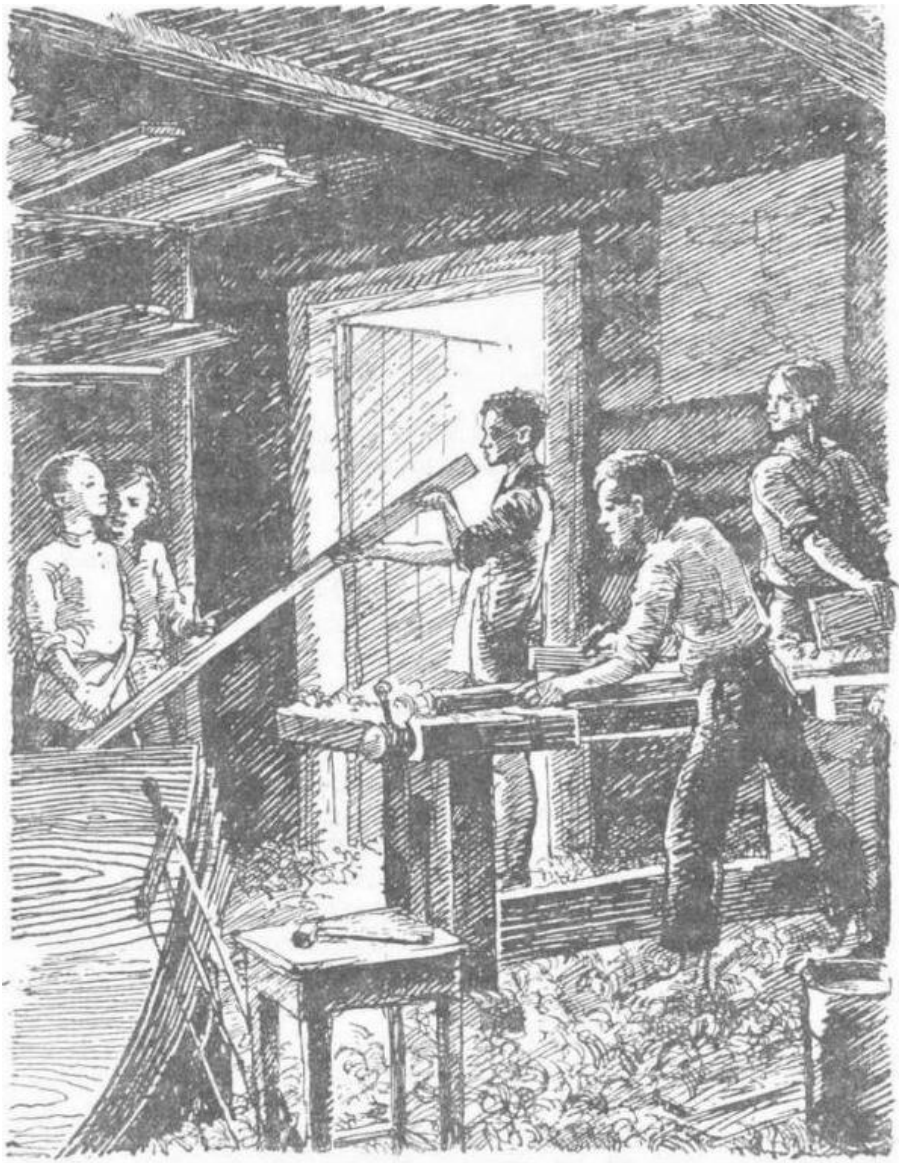
Когда отдельные части готовы, начинают монтаж планера: части его скрепляются вместе, потом покрываются краской, и планер готов. Он стоит на земле, красивый и стройный, похожий на большую стрекозу. Но впереди еще самое трудное: испытание его в воздухе.

Когда Павел Иванович задумал строить свой первый планер, он собрал вокруг себя ребят постарше, устроил в сарайчике столярную мастерскую, достал несколько листов фанеры и принялся за работу. Слух об этом быстро разнесся по городу.

В то время у меня был приятель Борька, мой сверстник и школьный товарищ. Решили мы пойти посмотреть, что делается у Павла Ивановича. Помню, пришли, потолкались в мастерской, послушали, о чем говорят там, ничего не поняли и остались недовольны. Нас, разумеется, никто не заметил, потому что мы с Борькой были еще маленькие, а в мастерской работали большие ребята, комсомольцы. Они были такие важные и с таким

серьезным видом бегали по мастерской, что Борька не вытерпел и фыркнул:

— Гляди, как задаются!..



Пришли мы, послушали, о чем говорят там, ничего не поняли и остались недовольны.

Поглазели мы на чертежи и плакаты, развешанные по стенам мастерской, недоверчиво пощупали фанерные листы и всё, помню, переглядывались и ухмылялись.

Что же это за самолет из дерева? Разве игрушечный?..

К нам подошел сам Павел Иванович, оглядел нас внимательно, заметил наши недоверчивые улыбки и усмехнулся:

— Вы, ребятки, чьи?

— Из школы, — ответили мы.

— Интересуетесь?

Тут Борька не вытерпел и спросил:

— А что, дяденька, самолет будет взаправдашный?

— Это не самолет, а планер.

— Значит, игрушечный?

Павел Иванович засмеялся:

— Разве я маленький, чтобы играть? Построим настоящий планер, не хуже, чем за границей делают.

— А летать будет?

— И люди на нем летать будут!

— На щепочках? — не выдержал Борька и рассмеялся.

Но Павел Иванович не обиделся.

— На щепочках и летать будем, парень! Вот как! Увидишь — ахнешь!

Борька недоверчиво покачал головой. Павел Иванович попрощался с нами и пошел было из мастерской, но с порога вернулся и опять подошел к вам.

— Вот что, ребятки, — сказал он, — завтра будете в школе, спросите там у товарищей своих: кто умеет выпиливать лобзиком, пусть ко мне приходит…

— А зачем?

— Работа есть — выпиливать из фанеры планерные части.

— Погон умеет, — кивнул на меня Борька.

Я молчал. Павел Иванович серьезно посмотрел на меня и что-то соображал. И был тогда худенький, болезненный, замухрышка. Может быть, ему и не хотелось такого брать в мастерскую.

— Хорошо умеешь выпиливать? — спросил он недоверчиво.

— Хорошо! — смело отвечал я, потому что и правда умел ловко орудовать лобзиком. Выпиливал из фанеры разные штучки, рамочки для фотографических карточек, подставки для перьев, полочки для книг — по любому рисунку.

— Ладно! — решил Навел Иванович. — Приходи завтра после уроков сюда: будешь помогать строить планер.

— Ловко! — крикнул Борька в толкнул меня локтем вбок, — А летать его возьмете, дяденька?

— Летать? — переспросил Павел Иванович. — А разве ему хочется?

Я изо всей силы ущипнул Борьку: молчи, мол! Но мой приятель, как назло, разболтался — удержу нет.

— Страсть как хочется! — смеялся он, подмигивая Павлу Ивановичу. — Только об этом и думает. Он у нас — летчик! Тетя Варя, мать его, выпороть грозится за то, что он на зонтике хотел

улететь.

— Что же, ее улетел?

— Улетел! — ликовал Борька. — С крыши да прими в навозную кучу головой! А зонтик сломался. Он старый был…

Пока Борька рассказывал, вокруг собралось иного народу, и все смеялись: и Павел Иванович, и Борька, и ребята-комсомольцы. А я стоял красный, как свекла, и не знал, что мне делать: разреветься от обиды или кинуться на Борьку и трепать его за вихор, пока не замолчит.

Когда все досыта насмеялись, Павел Иванович вытер глаза — он от смеха даже заплакал — и сказал мне ласково:

— Не беда! Когда-нибудь по-настоящему полетишь. Не сразу дело делается. Подожди, пока вырастешь… Тебя как зовут-то?

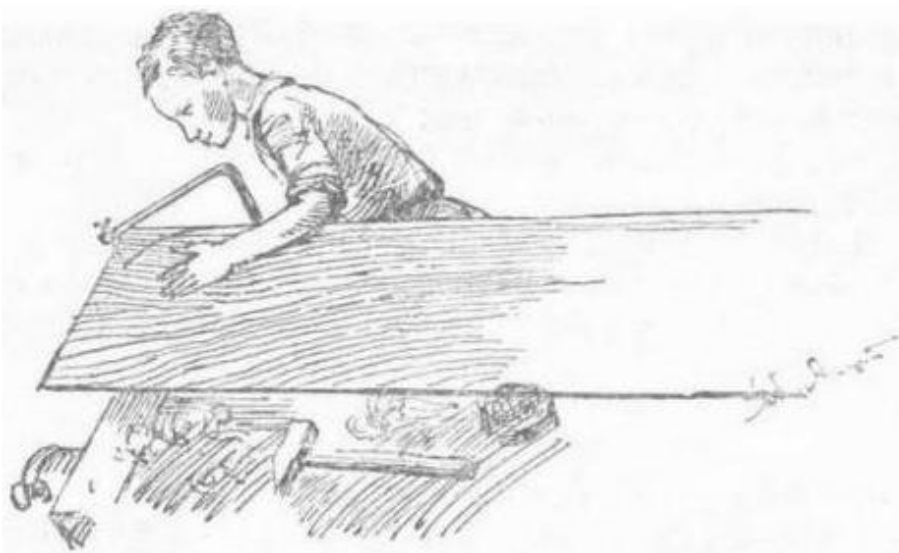
— Пашкой…

— Ну вот, брат Павел, приходи завтра помогать. А зонтиков не ломай больше. На зонтике, брат, все равно далеко не улетишь!

Глава III
«ВОРО́НЫ»

Так началась мня работа в мастерской инструктора планеров Павла Ивановича Лебедева. Каждый день после уроков я приходил к нему, становился к своему верстаку и начинал лобзиком выпиливать из фанеры разные штучки. Работа нетрудная. Начертят мне на фанерном листе фигуру, а я ее и вырезаю. Главное, чтобы аккуратно получалось.

Пилил я, пилил и соскучился. Проще говоря, надоело! Каждый день одно и то же! А главное, не знал, зачем эти штучки нужны. Пробовал спрашивать у товарищей — отмахиваются.



После уроков я становился к своему верстаку и начинал лобзиком выпиливать из фанеры.

— Знай свое дело: пили! А рассказывать тебе — все равно не поймешь. Тут, брат, геометрию знать нужно!

Ладно, думаю, геометрию! Зачем тут геометрия? Здесь не школа. Мне в школе эта геометрия надоела. Обидно стало, зачем от меня скрывают. Однажды принесли мне выпиливать по чертежу, а я и уперся. Скажи да скажи, как эта штука называется. Иначе не буду выпиливать!

Пришел Павел Иванович. Узнал, в чем дело. Засмеялся.

— Ты будешь выпиливать нервюры для хвостового оперения. Понял теперь?

Я на него поглядел волком. Конечно, ничего не понял, а

заупрямился.

— Понял!

Еще скучнее мне от этого стало. «Нервюры!» Ишь, слово-то какое! А что оно значит, поди разбирайся. «Хвостовое оперение». Что за штука? Неужели у планера в хвосте перья будут? Тоска меня взяла. Хожу сердитый, и работать не хочется. Павел Иванович и это заметил. Как-то вечером позвал к себе в комнату, усадил на стул, сам сел напротив.

— Ну, рассказывай, брат Павел, в чем дело?

Я ему и рассказал… про все… И про дядю Гришу, и про мечту свою, и про то, как мать с отцом меня ругают, что я учусь плохо. И того не скрыл, как отец мой не раз грозился пойти к Павлу Ивановичу и отругать его, зачем, мол, мальчишку — меня то есть — от дела отбивает. Ему, мол, учиться нужно, а он в столяры поступил.

Напоследок признался Павлу Ивановичу, что хочу бежать из дому, если отец в летчики не пустит.

Говорил долго и горячо. Павел Иванович слушал внимательно и не перебивал. А когда я кончил, он спросил:

— Всё?

— Всё… Я, Павел Иванович, если мена в летчики не пустят, в беспризорные уйду! Назло!..

— А в разбойники не хочешь? — спросил Павел Иванович и засмеялся. — Ах, Пашка, Пашка! Чудесный ты парень, а говоришь глупости.

Я молчал. Что мне говорить? Если уйду в беспризорные, отец меня жалеть будет! Ну и пусть!

Павел Иванович смотрел на меня молча и ласково, улыбался тихонько и головой покачивал, будто сказать хотел: «Ах, Пашка, Пашка! Ишь, что вздумал: в беспризорные!..

Потом поманил меня пальцем к столу, достал чертежи планера. В глазах зарябило от линий, кружков, треугольников и цифр, которые были разбросаны по листу то целыми кучами, то к одиночку.

Просидели мы с Павлом Ивановичем в этот раз далеко за полночь. Рассказал он мне всё про себя, и с этого вечера крепко я его полюбил. Просто и понятно объяснил он мне, что такое планер, как он летает и как его можно построить. Рассказал, как делается чертеж планера и что для этого нужно знать.

И, когда уходил домой, Павел Иванович пожал мне, как взрослому, руку и сказал, строго нахмурившись:

— Давай, брат Павел, уговоримся. Ты должен хорошо учиться в школе. Иначе мы с тобой поссоримся и расстанемся. Летчик должен всё знать. Если будешь неучем, можешь итти в

беспризорные. Плакать о тебе не будем — ни твой отец, ни я…

Я обещал Павлу Ивановичу хорошо учиться.

С тех пор перестал фыркать на учебники. На уроках сидел смирно и внимательно слушал учителей. Домой стал приносить хорошие отметки. Отец радовался:

— Молодец, Павлик! — И удивлялся: — Что это с тобой вдруг случилось?

И отец перестал меня дразнить «летчиком», обещал купить ружье. Думал, должно быть, что я больше не мечтаю о полетах.

Садясь вечерами за уроки, я стискивал упрямо зубы, угощал себя подзатыльником и уговаривал сам себя:

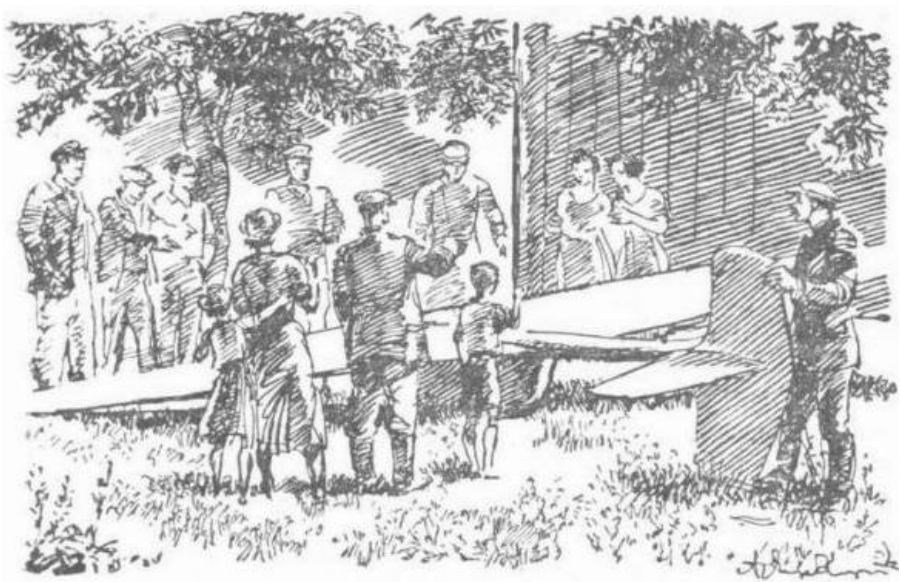
— Не ленись, Пашка! Летчик должен всё знать!..

Только потому, что хотел стать летчиком, я хорошо учился и терпеливо высиживал уроки в классе.

Между тем постройка планера подходила к концу. Отдельные части его были готовы — стали их соединять, или, как говорят, монтировать планер.

Скоро на земле распластала свои тонкие, легкие крылья красивая деревянная птица — наш планер. Мы его назвали «Нарофоминец-1». Он блестел свежей краской, им приходил любоваться весь город, а мы ужасно гордились! Еще бы: все, до последней щепочки, построено нашими руками. Про нас говорили:

— Молодцы комсомольцы!



Планером приходил любоваться весь город.

Только приятель мой Борька по-прежнему не верил. Ходил

вокруг планера и фыркал. Досада на него брала!

— Ну чего ты фыркаешь?

— А тебе чего? Хочу — и фыркаю…

— Понимаешь ты много!..

Из Москвы приехали инженеры осматривать планер. Признали его хорошим. Я — к Борьке. Что? Слыхал, как инженеры наш планер хвалят? А Борьке хоть бы что, усмехается:

— Ладно, рассказывай! Вот посмотрю, как он летать будет! Не может быть, чтобы на щепках люди летали!

Так и уперся на своем.

Тем временен планер разобрали на части, запаковали в ящики и отправили по железной дороге в Крым. Там, недалеко от моря, в местечке Коктебель, каждый год устраиваются состязания планеров.

К назначенному дню со всех концов Советского Союза съезжаются в Коктебель планеристы, а конструкторы присылают свои новые планеры.

Эти состязания — настоящий праздник для планеристов. Они состязаются друг с другом: кто дальше пролетит, кто наберет самую большую высоту.

Победителям в состязаниях дают премии. Каждый планерист мечтает попасть в Коктебель на состязание планеров. Каждому хочется летать дальше всех и выше всех..

Наш планер тоже поехал в Коктебель. Понятно, все мы очень волновались: как-то он будет летать там?

Нам казалось, что лучше всех.

Проходили томительные дни. Состязания еще не начинались. В газетах писали обо всем, что делалось в далеком Коктебеле, на берегу теплого моря. Мы читали, как съезжаются планеристы, знаменитые летчики, конструкторы. В списке планеров, которые будут состязаться, мы с гордостью прочитали название нашего планера «Нарофоминец-1».

Наконец в газетах объявили: состязания начались! Мы с нетерпением ждали, что будет завтра.

А на другой день ко мне прибежал Борька. Я еще спал, и он разбудил меня. Ничего не понимая спросонок, я смотрел на моего приятеля, как он бегал по комнате, приплясывал, прищелкивал пальцами и кричал:

— Разбился! Разбился!

— Чего ты орешь? Кто разбился?

— Планер ваш разбился!

Полуодетый, неумытый и растрепанный, прямо и постели, помчался я к товарищам. Я застал всех в сборе. Все были встревоженные и печальные.

В телеграмме, полученной из Коктебеля, говорилось, что наш планер взлетел, пролетал всего только четыре секунды, потом упал и… разбился.

Не хотелось верить. Как же так? Строили мы его несколько месяцев, построили, красавец получился, инженеры его хвалили, весь город им любовался, а он только четыре секунды и пролетал. Теперь вместо него — куча щепок и мусора. Разбился!..

Все молчали. Один только Борька ходил между нами важный, как петух. Надувался и фыркал:

— Тоже придумали моду! Этак каждый летчиком станет. Сделай себе из лучинок самолет и летай! Дудки!

В городе над нами стали смеяться. Раньше хвалили, а теперь только головами покачивали да приговаривали:

— А еще комсомольцы! Эх, вы!

И прозвали нас «воро́нами». Кто придумал эту кличку, не знаю. Только от этой клички житья нам не стало. Едва нос на улицу покажешь, а тебе уж кричат:

— Эй, ворона!

В школе тоже проходу не давали:

— Ворона пришла!

А больше всех, понятно, дразнился Борька. Бывало до того раздразнит, впору хоть драться.

Так окончилась наша первая попытка построить свой планер. Окончилась она большой неудачей — вся работа пропала.

Наш планерный кружок распался. Большинство ребят ушло в кружок футболистов. Там было веселее.

Павел Иванович сидел дома и старался не показываться людям на глаза. Над ним тоже смеялись. Скучное время пришло!..

Глава IV
«КЛУБ ЛЕТЧИКОВ»

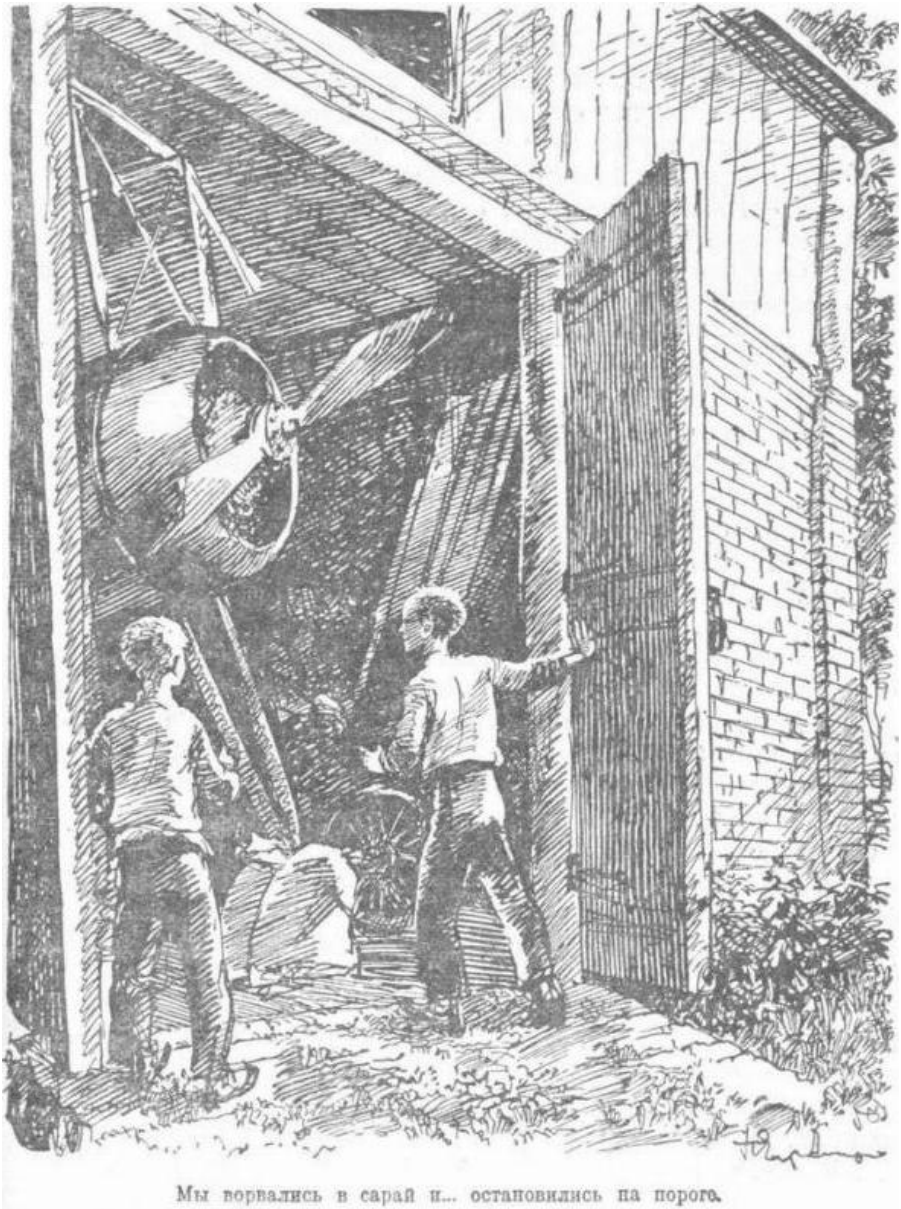
Медленно тянулось время. Павел Иванович куда-то уехал. История с планером стала понемногу забываться. Но вдруг Павел Иванович опять появился в городе. И не один, а с самолетом. Да, да, с настоящим, взаправдашным самолетом.

Как это дело было, я уже не помню сейчас. Узнал я об этом от Борьки. Мой приятель раньше всех в городе узнавал все новости. После уроков отправились мы с ним смотреть самолет. Он стоял в сарае на запоре. Павла Ивановича не было. Походили кругом сарая, поглядели в дырочки — ничего не увидели. Как быть? Посмотреть самолет очень хочется.

— Надо стащить ключ! — решил Борька и отправился на поиски.

Пока он ходил, я всё дырочки в стене искал. Дырочки маленькие, а в сарае темно.

Вернулся Борька. Ловкий малый, он добыл-таки ключ и отпер сарай. Мы ворвались в него и… остановились на пороге в нерешимости. Как же так? Неужели это и есть самолет? Перед нами в полутьме сарая стояло какое-то пугало. У самолета не было крыльев. Он походил на старую лодку, поставленную на ржавые колеса от велосипеда. Всё на нем было грязное, обшивка висела клочьями, везде ржавчина, плесень. Этот самолет совсем не походил на те, какие мы видели на картинках.



Мы ворвались в сарай и... остановились на пороге.

Короче говоря, он нам не понравился. Очень уж некрасивый. Борька стоял и задумчиво разглядывал самолет. Лицо у моего приятеля было недовольное.

— Он же старый! — наконец сказал Борька, чтобы утешиться.

Я вскарабкался наверх и уселся в пилотское кресло. На стенке кабины я увидел перед собой часы. Рядом с часами — какие-то незнакомые приборы…

— Это ничего, что он старый! — услышал я Борькин голос откуда-то снизу. — Зато настоящий! Не из щепочек сделанный!..

Познакомиться с самолетом как следует нам не удалось.

Пришел дворник и выгнал непрошенных гостей из сарая.

Я шел домой очень довольный. Еще бы: настоящий самолет видел! Мало, что видел, — даже сидел в нем.

На другой день около сарая толпился весь город. И взрослым и детям — всем хотелось посмотреть настоящий самолет. Спрашивали Павла Ивановича, где он достал его и можно ли на нем летать.

Улучив момент, и я подбежал к Павлу Ивановичу. Лицо у него было веселое. Он потрепал меня по плечу и шепнул на ухо:

— Будем строить второй планер — «Нарофоминец-2»! Скажи там ребятам и приходи завтра!..

— Павел Иванович! А как же аэроплан?

— А что аэроплан?

— Откуда он?

— С кладбища.

— Как с кладбища?..

— А ты думаешь, с какого кладбища? С машинного. Понимаешь? И у машин тоже кладбище есть. Когда машина сломается, заболеет, то ее лечат — чинят… А когда совсем уже негодной станет, такой, что и чинить нельзя, ее несут на свалку. Есть такой двор, весь заваленный негодными машинами, — это и есть их кладбище.

— Значит, этот самолет — мертвый?

— Ну да! — засмеялся Павел Иванович. — Он уже давно умер! Он еще в гражданскую войну летал, белых бил. Видишь в боках у него дырки? Это от пуль. Раненый! Его лечили, чинили — он опять летал. А теперь вот не может…

Когда пришел в школу, там только и разговору было что о самолете, о Павле Ивановиче, о планерном кружке.

«Ага! — подумал я. — Заговорили! А то — «воро́ны»! Теперь, небось, не будете дразниться «воро́нами», когда у нас настоящий самолет есть».

Из всех ребят только я один знал, что самолет «мертвый» и летать не может. Но молчал об этом. И даже хвастался, что скоро с Павлом Ивановичем буду летать над городом. Я же понимал, что «мертвый» самолет никому не интересен. Кто же пойдет в наш кружок, если узнает правду? Приходилось немножко врать, чтобы побольше записалось ребят в планерный кружок. Веселее будет строить «Нарофоминец-2».

И действительно, чуть ли не вся школа целиком явилась на другой день к Павлу Ивановичу. Пришлось многих обратно отправить.

Всю зиму мы готовились. Заготовляли материалы для будущего планера, инструменты, фанеру, доски. Делали чертежи,

придумывали, каким он должен быть. Очень интересно! Бывало долго спорили, какое лучше сделать крыло или хвост.

Павел Иванович научил меня чертить, и я ему помогал делать расчеты.

Словом, стал заправским конструктором. Хотя я ни разу еще не летал, но знал уже, что требуется для того, чтобы планер был хороший.

Прошла зима, а весной я кончил школу. Мне было пятнадцать лет.

Нужно бы учиться дальше, да не пришлось. В семье работник — один только отец. Тяжело было ему кормить всех нас. Пришлось мне помогать ему.

Сначала хотел поступить куда-нибудь счетоводом или конторщиком. Потом узнал, что нужны ученики в артель плотников. Ба, думаю, а почему бы мне не быть плотником? Чем плоха профессия? С деревом я возиться люблю, а если стану хорошим плотником — значит, и планер хороший построю.

И вот началась моя трудовая жизнь — я поступил в плотницкую артель.

Весной у нас появилась новая забота: нужно было найти помещение для планерной мастерской. В старом сарайчике стало тесно. Искали долго и наконец нашли. В старом парке была когда-то усадьба князя-помещика. После революции князя прогнали, а усадьба осталась. Мы отыскали в парке большой сарай и решили в нем устроиться. Оказалось, что сарай этот только снаружи хорош, а внутрь войти нельзя. Кучи щебня, кирпича, мусора лежали в нем. Разный старый хлам и навоз громоздились до самого потолка.

Делать нечего. Нужно наводить порядок. Объявили субботник и всем кружком принялись за чистку. Работали весь день и едва только к вечеру освободили от мусора один уголок.

На другой день весь кружок разбежался. Нехватило терпения у ребят. Осталось нас в кружке всего четверо. Но мы не унывали. Четверо, так четверо. Целый месяц чистили сарай. Наконец-то одолели. Такую чистоту навели — любая хозяйка позавидует. По стенам развесили плакаты, чертежи, портреты вождей. На чердаке устроили койки для отдыха. Принесли шашки, шахматы, газеты…

Внизу мастерская, а наверху клуб: «клуб летчиков», как в шутку мы называли наш сарай.

Совсем было устроились, как вдруг — беда. Нам позавидовали футболисты.

Футбольное поле находилось недалеко от вашего сарая, а помещения, где можно бы приютиться в ненастную погоду, у футболистов не было. Вот им и понравился наш сарай.

Едва мы успели его вычистить и привести в порядок, футболисты и нагрянули к нам. Тоже хитрые! Ждали момента, когда в сарае будет чисто, а до этого ни один из них и глазом на сарай не глянул.

Вот однажды подступили они к нашему клубу целым войском. Несколько команд. Впереди — капитаны. А за ними — беки, форварды, инсайты, хавбеки — вся футбольная братия! Загорелые, мускулистые, в трусиках, в бутцах — здоровенные дяди! А нас — всего четверо. Решало обороняться. Заперлись изнутри в сарае, ждем, что дальше будет. Подошла футболисты и заорали:

— Вылезайте, воро́ны!

А мы их не пускаем. Обозлились наши неприятели, забарабанили кулаками в двери:

— Вылезайте, а то гнездо ваше разорим!..

А мы им сверху:

— Ло-о-одыри! На готовое пришли? А когда чистить, так вас не было?

Таким манером воевали они с нами до вечера. Не сдались мы.

Воевали футболисты с нами до вечера.

На второй день — та же история. А потом мы рассказали об этом в комсомольской организации. Учиться, мол, не дают футболисты. Не драться же с ними! Их вон сколько, а нас — четверо. Заступился за нас комитет комсомола. Унялись футболисты, хотя и остались нашими врагами на все времена. Ну, и мы со своей стороны тоже не упускали случая отомстить футболистам.

Однажды на футбольном поле был матч. Играли наши футболисты с московской командой.

Все поле было полно зрителями. Играл духовой оркестр.

Нашим футболистам, что называется, «везло»: они обыгрывали москвичей. И были поэтому важные, как индюки. Очень гордились. А зрители в ладоши хлопали:

— Ай да наши!

Вот тут-то пришло нам в голову: испортить футболистам праздник. Пусть позлятся! Сказано — сделано. Мы дождались конца первого тайма и, пока футболисты отдыхали, принялись за дело.

Нужно было перетащить наш старый самолет с прежнего моста на новое — в «клуб летчиков». Нужно сказать, что к этому времени самолет кое-как починили. Летать-то он, понятно, все равно не мог, но вид у него был приличный. Его заштопали, покрасили, приделали крылья и все медные части начистили кирпичом до блеска. Мало того, городской шофер Вася Червяков починил у самолета мотор, и он заводился. И при этом из него валил черный-пречерный дым с таким треском, что земля дрожала, а городские собаки выли от страха…

Вот мы и потащили наш самолет прямо через футбольное поле в наш сарай.

Едва только мы показались, как все, кто был на поле, побежали навстречу.

— Летать хотят! Летать! — кричали зрители.

Музыканты бросили играть и тоже бежали к нам.

Через минуту у футболистов ни одного зрителя не осталось. Все перебежали смотреть нага самолет.

А футболисты, обозленные, бегали по полю одни-одинёшеньки.

Вот вам и «воро́ны»!

С той норы жизнь наша стала спокойнее.

Планер строили всё лето. Мне доставалось трудно. День бывало плотничаешь в артели, а вечером отправляешься в клуб и вместо отдыха выпиливаешь и выстругиваешь планерные части. Очень уставал.

Частенько и ночью работать приходилось. А летние ночи короткие. Не успеешь оглянуться — уже рассвет. Где же тут спать! Заберешься на чердак, часок-другой вздремнешь на койке — и уже вставать пора. Когда начался монтаж планера — самое интересное в его постройке, — я взял отпуск в артели и почти две недели не вылезал из «клуба летчиков». Утомился я и здоровье расстроил. Голова стала кружиться.

Я всё крепился и ничего не говорил Павлу Ивановичу. Узнает — прогонит домой отдыхать.

Но однажды не уберегся: так заработался, что свалился без памяти у своего верстака и уснул. Меня отнесли домой.

Когда разбудили, увидел Павла Ивановича. Он был сердитый.

— Лежи в постели, пока доктор не разрешит встать, — сказал он, по-военному чеканя слова. — Если без его разрешения заявишься в клуб, исключу из кружка…

Дисциплина у нас в кружке была строгая. Ослушаться нельзя.

— Есть, — ответил я Павлу Ивановичу печальным, но покорным голосом.

Во время болезни Павел Иванович каждый день приходил ко мне и подробно рассказывал, как идет монтаж планера.

Когда я поправился, он был почти совсем готов.

Глава V
НЕУДАЧА

Опять наступила осень. В нашем «клубе летчиков» шли последние приготовления к отправке планера в Крым на состязания. В этот раз мы надеялись, что «Нарофоминец-2» с честью выдержит все испытания.

Вместе с планером должен был поехать и я. Это право я получил за отличную работу. Когда члены кружка решали, кого послать в Крым, все назвали мое имя.

Понятно, для меня это было большой радостью. Еще бы: увидеть знаменитых летчиков, планеристов, конструкторов, разговаривать с ними, видеть, как они летают… А там, может быть, и сам поднимусь в воздух, полетаю хотя бы пассажиром.

Кроме того, сама поездка в Крым тоже казалась интересной, заманчивой. Увижу море, горы, купаться буду, виноград кушать… Словом, от радости я, как говорится, земли под собой не чуял.

И вдруг незадолго до отъезда в Крым меня позвал к себе Павел Иванович.

— Слушай, брат Павел! — сказал он, пытливо заглядывая мне в лицо. — Новость. Специально для тебя.

— Какая, Павел Иванович?

— Тебе очень хочется ехать в Крым? Скажи по совести!

— Конечно… очень! — И сердце мое забилось в тревоге. «Неужели почему-нибудь нельзя поехать?» — подумал я.

Павел Иванович достал из кармана какую-то бумажку, помахал ею перед моим носом. Словом, подразнить вздумал.

— Знаешь, что это, брат Павел? А ну-ка, догадайся! Да нет, не догадаешься! Это путевка в военную школу летчиков. Ее прислали из Москвы для нашего кружка. По этой путевке мы можем послать одного парня учиться в эту школу. Вот я тебя и спрашиваю: что хочешь — ехать в Крым или учиться в школе летчиков? Выбирай, потому что в оба места сразу нельзя попасть. Или Крым, или школа. Подумай и решай!..

— Чего же тут думать? — закричал я. — Конечно, в школу летчиков!

— Хорошо, — сказал Павел Иванович, передавая мне путевку. — Счастливый путь! Иди домой, приготовь нужные документы. На-днях поедешь в Москву держать испытания. Ну, а в Крым пошлем кого-нибудь еще…

Не помня себя, примчался я домой. Сбывалась моя заветная мечта: я буду учиться на летчика. Я буду летать… Хотелось всему

свету рассказать о своей радости. Но дома я не решился говорить об этом: знал, что эта новость огорчит родных. Мама начнет вспоминать дядю Гришу и говорить:

— И с тобой, Павлик, то же будет!

Уж лучше молчать…

Потихоньку я собирал документы и вдруг… узнал от соседа страшную для меня новость. Оказывается, что в военные школы не берут тех, кто моложе восемнадцати лет. А мне до восемнадцати целых три года нехватало.

Что же делать?

Мне так хотелось учиться, что я решился на нехорошую штуку. Я сделал себе фальшивый документ. Подделал на нем цифру. Говорю вам об этом по секрету. Я уже большой сейчас, а все равно — стыдно вспоминать об этом. По фальшивому документу мне стало полных восемнадцать лет.

С виду я был паренек рослый, плечистый. Работая в плотницкой артели, сильно развился физически. На взгляд мне никто бы и не дал пятнадцати лет — я выглядел гораздо старше. Поэтому мне и казалось, что подделку мою не заметят в школе.

В Москву поехал вместе с Павлом Ивановичем. Он провожал меня, потому что один я в Москве, чего доброго, заблудился бы. Ночь перед отъездом мы с Павлом Ивановичем провели в нашем любимом месте — на чердаке «клуба летчиков». Обоим нам не спалось. Мне все думалось о фальшивом документе, а Павлу Ивановичу — о планере: как-то он полетит в Коктебеле? Еле заснули на рассвете и… проспали поезд. Еще целые сутки пришлось ждать и мучиться.

Наконец-то приехали в Москву. Шум большого города оглушил меня, и я первые часы ходил, ничего не понимая. Куда-то мы с Павлом Ивановичем ездили, в какие-то комиссии, где меня расспрашивали, велели писать анкеты, заявления. Я, помню, все время путался, когда спрашивали, сколько лет. Хочешь сказать правду, а потом, как вспомнишь про фальшивый документ, так сердце и замрет. Отобрали нас целую партию таких, как я, новичков, и повели на медицинский осмотр. Попали мы к докторам. Да не к одному, а к нескольким. Они по очереди выстукивали, ослушивали, расспрашивали нас, не болит ли что. В летчики принимают только самых здоровых, крепких, выносливых.

Два доктора выслушали, осмотрели и — ничего.

— Годен! — кричат мне.

А третий, рыжий такой, придрался. Чем-то я ему не понравился. Уж он и так, и этак, и стучал-то по мне, и мять меня пробовал. Наконец отступился. Пожевал свою бороду и

спрашивает:

— Сколько лет?

— Во… восемнадцать…

Ничего не сказал доктор. Написал на бумажке пару слов и махнул рукой. Я кубарем выкатился в следующую комнату.

Там сидела еще комиссия — приемная. За длинным столом — человек десять народу. Все — военные.

Подошел я в столу, назвал свою фамилию… и сразу догадался: что-то неладно… Тут военные поглядели на меня молча и строго. Хоть бы слово кто! Этак они меня минуты две морила. А я то краснел, то бледнел и весь трясся. Понял, в чем дело… Потом встал из-за стола председатель, седой такой, взгляд острый, будто не глаза у него, а два гвоздя, и он ими насквозь меня прокалывает.

— Головин! — сказал председатель. — Признайтесь по совести: вы сами подделали документ или вас научил кто-нибудь?

Так и есть: догадались! Правду говоря, и догадаться нетрудно. Посмотреть мой документ на свет, и сразу видно: старые цифры ножичком соскоблены, а новые написаны.

— Сам догадался! — сказал я председателю, и так мне вдруг себя жалко стало, впору хоть плакать.

Рассказал я комиссии все начистоту, как было дело и как мне хочется учиться, чтобы стать летчиком. Поверили мне военные и даже хмуриться перестали.

А принять в школу все равно не приняли.

Поругали, чтобы в следующий раз жульничеством не занимался, и отпустили, сказав на прощанье:

— Подрасти — тогда и в школу примем.

Так и пришлось мне вернуться домой. И в Крым я не попал и в школу тоже.

Обидно, а делать нечего. На другой день взял топор и пошел опять в артель плотничать.

Да когда же наконец я вырасту?!

Глава VI
В ТЕХНИКУМЕ

Прошел еще год. Я стал хорошим плотником. Много денег зарабатывал. Об учебе и не думал. Когда там! Да и не хотелось зря думать. До восемнадцати лет еще долго. Целых два года. Раньше все равно не примут — скажут: несовершеннолетний.

Однако, когда пришла осень, затосковал я. Очень уж скучно жилось! Остался я один. Павел Иванович куда-то совсем уехал из города. В «клубе летчиков» поселились футболисты.

И вот решил я еще раз попытать счастья — поступить в военную школу летчиков.

Опять приехал в Москву. Благополучно миновал я докторов и приемную комиссию — нигде не зацепился. А когда начались экзамены, осрамился. Оказывается, я все перезабыл, чему учился в школе. Да и как не забыть, когда год целый не учился совсем!

Не сдал я экзамена, вернулся домой расстроенный.

Несколько дней просидел дома, никуда не показываясь, — стыдно было. Потом опять взялся за топор.

Решил работать и учиться, чтобы на будущий год во что бы то ни стало поступить в школу летчиков.

Но, видно, не судьба! Несчастья преследовали меня одно за другим. Неожиданно умер отец. Я остался единственным работником в семье. А потом и сам заболел. Делали мне операцию в больнице — едва выжил. Все лето пролежал на больничной койке.

Лежишь бывало один и думаешь: «Все пропало! Не быть мне летчиком никогда! К экзаменам не подготовился да вдобавок заболел. Такого хилого в летчики не возьмут».

И решил я не думать больше попусту, не мечтать об аэропланах и летчиках. Останусь, мол, на веки вечные плотником…

Стал я хмурый, нелюдимый, неразговорчивый. Бывало слова от меня не добьешься — все молчу. А смеяться совсем разучился.

Были у меня товарищи, тоже плотники, комсомольцы. Когда я заболел, стали они навещать меня в больнице. Яблок бывало принесут, винограду, книжку интересную. Славные ребята!

А я яблоки съем, книжку прочту и опять молчу. Спросят что-нибудь, сквозь зубы отвечу, неохотно. А сам думаю: «Отвяжитесь, мол! Без вас тошно!» Смекнули ребята: плохо парню, надо ему помочь.

И стали они допытываться, чего мне хочется. Узнали от кого-

то стороной, что я учиться хотел, да ничего не вышло. Подняли ребята на ноги комсомольский комитет, профсоюз — заварилась каша! А всё из-за меня!

Когда я понравился и приготовился выходить из больницы, пришли мои ребята. Веселые, обступили меня, поздравляют с выздоровлением. Потом один из них говорит:

— Слыхали мы, Паша, ты учиться хочешь! Достали тебе путевку в строительный техникум… Поезжай! Учись!

Думали они меня обрадовать, а я вздохнул вместо этого… Хотел сказать милым ребятам: «Я же в летчики хочу!» Да подумал: обидятся. Скажут: «Мы для тебя старались, а ты, оказывается, свинья неблагодарная!»

Ваял я путевку и думаю: «Ну что ж, не удалось стать летчиком, буду архитектором, инженером. Все лучше, чем простым плотником… Все равно, где учиться, только бы из этого города убежать! Надоел он мне!»

И вот очутился я в Москве, в строительном техникуме. К началу занятий опоздал по болезни. Общежития мне не досталось. Бродил по Москве так, ночуя, где удастся. Потом нашелся у меня новый товарищ по техникуму, Коля Федякин, хороший малый. Из бывших беспризорников. У него койка была в общежитии.

Как-то он меня спрашивает:

— Ты, браток, где живешь?

А я не знаю, что и ответить.

— Везде, — говорю.

— Ага! — усмехнулся Коля. — Понятно! Значит, адрес твой такой: «Москва, вход с парадного».

Я тоже засмеялся.

— Именно, — говорю, — адрес точный.

— Ну что же, горемыка, иди ко мне на койку! Будем вдвоем жить. Как-нибудь устроимся! Только ты, когда спать будешь, в ухо мне не дыши! Не люблю!

— Ладно, — говорю, — я, пожалуй, и вовсе дышать не буду…

Крепко мы сдружились с Колей. Всю зиму прожили на одной койке и друг без друга — никуда.

Коля — парень такой: везде бывал и все знает. Начнет рассказывать — заслушаешься. И такой он живой, бойкий, веселый! А меня «Медведем» прозвал. За то, что я неуклюжий, неповоротливый.

Так и звал меня: «Пашка Медведь».

Вот однажды мы с ним разговорились, лежа вдвоем на одной койке. Собственно, говорил сначала одни Коля, а я, по обыкновению, слушал, помалкивал.

— Буду я инженером, — говорил мой новый приятель, — буду дома строить! Я, знаешь, Медведь, много думал, кем мне быть. И то хочется и это… А всего не возьмешь. Я вот был беспризорником. Знаешь, какая это жизнь? Вольная и бездомная. Куда хочешь, туда и едешь. А дома нет. Живешь где попало. Где только я не жил: в пустых вагонах, в котлах, где асфальт варят, в пустых кадушках… Однажды пришлись целый месяц под мостом жить. Внизу — вода. Со всех сторон ветер. Осень была. Мок на дожде, зяб… Бывало только и думаешь: хорошо сейчас людям в домах живется! И вот однажды, когда поймали всю нашу компанию, привели меня в комиссии. Спрашивают: «Что ты делать хочешь? Где хочешь учиться?» Я раскинул умом в решил — буду учиться дома строить. Чтобы людям теплее жилось. Потому что, Медведь, очень плохо живется, когда холодно!

Позавидовал я Коле и вздохнул.

— Ты о чем вздыхаешь, Медведь?

— А я вот, Колька, летать хочу…

— Летать? Что же — это не плохо. Видал, как летают.

— Только не удается никак…

И рассказал я Коле про все. Как строил планеры, как плотничал и ездил в Москву поступать в школу. О всех своих неудачах. Знал, что Коля меня насмех не поднимет.

Так и вышло.

— Плохи твои дела, Медведь! — сказал Коля, когда я кончил рассказывать. — Это плохо, когда приходится делать не то, что хочется… Ну, дай срок, я тебя с одним человеком познакомлю. Может быть, он и поможет твоему горю.

— А что это за человек? — полюбопытствовал я.

— Иван Архипыч. Это, брат, голова! Сам из летчиков! Да погоди, дай срок, я его приведу в нам в техникум — увидишь.

Через несколько дней действительно появился у нас Иван Архипович.

В серенькой шинели, сутуловатый немного, лицо доброе, с усмешкой. Пожилой уже. Сразу всем ребятам понравился. Как принялся рассказывать о гражданской войне, как он там летал, так ребята и заслушались.

Никогда я еще не слышал, чтобы можно было так интересно рассказывать! Всю бы ночь слушал!

Должно быть, Коля ему обо мне рассказал, потому что в конце вечера подошел ко мне Иван Архипович, взял под руку, отвел в дальний уголок и стал расспрашивать обо всем. А потом сказал:

— Знаете что, молодой человек? Возьмитесь-ка вот за какое

дело. Организуйте здесь в техникуме планерный кружок. Обещаю вам помогать во всем…

— Иван Архипыч! — сказал я. — Надоело мне планеры строить. Толку в этом деле никакого не вижу. Построишь планер, а он не полетит…

— Надо так строить, чтобы полетел…

— Все равно не хочется. Если и полетит, так мне-то что? Не я летать буду, а кто-нибудь другой…

— Обещаю, если построите планер, то сами на нем летать будете…

Ну, раз так — я согласился. Только бы летать! Замечательным человеком оказался этот Иван Архипович! Много лет прошло с тех пор, как я познакомился с ним. Но и сейчас и всегда буду вспоминать о нем с большой любовью и нежностью.

Много он для меня сделал хорошего. Без него я, пожалуй, не скоро бы стал летчиком.

Иван Архипович очень любил молодежь. Он ходил по всей Москве, заглядывал в большие дворы московских домов, где всегда есть ребятишки. Их-то ему и нужно.

Соберет вокруг себя ребятишек и начнет им рассказывать об авиации, об аэропланах и летчиках, о том, как он сам летал когда-то… Ребятишки, понятно, слушают, разинув рты… А ему только того и нужно — заинтересовать.

Смотришь, через несколько дней организовал этих ребят в кружок планеристов или авиамоделистов. И возится с ними Иван Архипович, как со взрослыми.

— Подрастете — летчиками станете! А я буду снизу, с земли любоваться: мои, мол, детки летают. Орлятками стали!..

У нас в техникуме была своя столярная мастерская. Иван Архипович достал нам готовые чертежи планера, и работа закипела.

Я был за старшего, а помогал мне Коля. Ему вдруг тоже захотелось летать.

— Раздразнил ты меня, Медведь, — говорил он: — хочу в воздух!

Строился планер очень медленно. Нехватало времени. И учиться нужно и в комсомоле общественную работу вести, — едва часок урвешь повозиться с планером.

Стипендия была маленькая. Денег нехватало. Приходилось подрабатывать. Мы с Колей ходили на стройку кирпичи таскать.

Бывало, как нет денег, так Коля говорит:

— Ну, Медведь, пойдем сегодня «козу дразнить»?

— Пойдем.

И отправляемся куда-нибудь, где строят дом или еще что-

нибудь.

«Козой» называется доска с двумя кривыми ручками в виде рогов. Доску кладут на спину, а ручки цепляют за плечи. На доску положат кирпичей пуда три, и тащишь эти кирпичи куда-нибудь по лесам на третий или четвертый этаж, где каменщики кладут из них стену. Эта вот работа и называлась у нас с Колей «козу дразнить».

Денег нам платили много, потому что работа считалась тяжелой. А нам хоть бы что! Коля — парень крепкий, и меня недаром же «Медведем» прозвали.

К весне мы успели построить только половину планера. А когда настали каникулы, пришлось уехать из Москвы. Кто поехал на практику, кто отдыхать, а я отправился к себе домой. Решил лето поработать в плотницкой артели. Коля тоже уехал.

И остался наш планер недоделанным…

Глава VII
ПЕРВЫЙ ПОЛЕТ

Началось лето. Я жил у себя дома и работал в артели. Вдруг получил письмо от Коли. Он тоже работал где-то недалеко от Москвы. Пишет мне приятель: скучно ему!

> «Давай, Медведь, под каждый выходной день приезжать в Москву! Авось не спеша и построим наш планер к осени. Что же мы покинули его, сироту?..»

Город, где я жил тогда, — семьдесят километров от Москвы. Ехать нужно поездом. Под выходной день работа в артели кончалась в двенадцать часов дня. А поезд отходил ровно в час. Надо еще домой забежать, на скорую руку пообедать, переменить рубашку и бегом на вокзал. Два километра пробегал до вокзала, едва успевал к поезду…

В техникуме, в столярной мастерской, Коля дожидается.

— А я, Медведь, думал, ты не приедешь!

— Когда же это было, чтобы я не приехал?

Поработаем весь выходной день и снова разъезжаемся до следующего.

Постройка планера подвигалась медленно. Вдвоем много ли наработаешь?

Пошел Коля по Москве «знакомых искать».

Нашел двух товарищей из автомобильного техникума.

Одного звали Славкой, а другого уж и не помню сейчас, как. Он оказался лодырем. Один день покажется в мастерской, а потом целый месяц его не видно. Мы его невзлюбили за это.

А со Славкой сдружились. Парень он веселый был и чудак. Одна беда — завирался часто. Начнет что-нибудь рассказывать в непременно напоследок соврет. А врал очень интересно — слушать приятно. Начнет рассказывать, какой у него дядя есть. Инженер-изобретатель. Паровоз новый изобрел. И до чего же замечательный паровоз! Ни угля, ни воды этому паровозу не нужно, а бегает чуть ли не тысячу километров в час.

Коля — парень доверчивый. Бывало все слушает и бровями шевелит — соображает.

— А что же в этом паровозе горит?

— Как что? Воздух! У моего дяди паровоз от воздуха ходит. Ты сообрази: кислород в воздухе есть?

— Есть.

— Он гореть может?

— Ну… может.

— Так вот, дядя мой и придумал паровоз воздухом топить…

Мы сначала Славке верили. А ему только того и нужно. До того однажды заврался, чти рассказал, как его дядя-изобретатель на луну летал. И так запутался, что никак не мог объяснить, как он назад вернулся. Тут-то мы и догадались, что Славка все врет.

С той поры Коля ему рта разинуть не давал:

— Не трепись! Изобретатель!..

И правду скажет — все равно ему никто не верит.

К осени мы кончили наш планер. Пришел Иван Архипович, осмотрел, похвалил: хороший планер! Назвала его «Московский политехникум». Мы радовались. Шутка ли, целый год строили!

Отвезли его на грузовике на «планеродром». Это то же, что аэродром для самолетов; только аэродром весь ровный, как стол, а планеродром делают на горе. С этой горы сбрасывают планер, и он летает.

Вы знаете, как взлетает самолет? Прежде чем подняться к воздух, он должен разбежаться. А планер сам разбежаться не может — у него нет моторов. Поэтому ему делают разбег с горы. Как на салазках. А чтобы он быстрое разбежался, ему помогают. Делают это так. Знаете, что такое рогатка? Ну, вот та самая, из которой мальчишки стреляют воробьев маленькими камешками. Положат камешек на резнику, натянут ее — и бац! Камешек летит, как пуля. Теперь вообразите себе длинную-длинную резину, в несколько десятков метров длиною. И толщиной — в палец. Ее натягивают несколько человек, как большую рогатку. А вместо камешка на резине — планер. Резина эта называется амортизатором. Натянут амортизатор и отпустят. Планер и взлетит…

На планеродроме нам дали инструктора, который должен был учить нас летать. Инструктор спросил:

— Сколько вас?

— Трое.

Оказывается, мало..

Некому натягивать амортизатор.

Опять отправился Коля по Москве «искать знакомых». Нашел. Стало нас шестеро. Пятеро ребят и одна девушка.

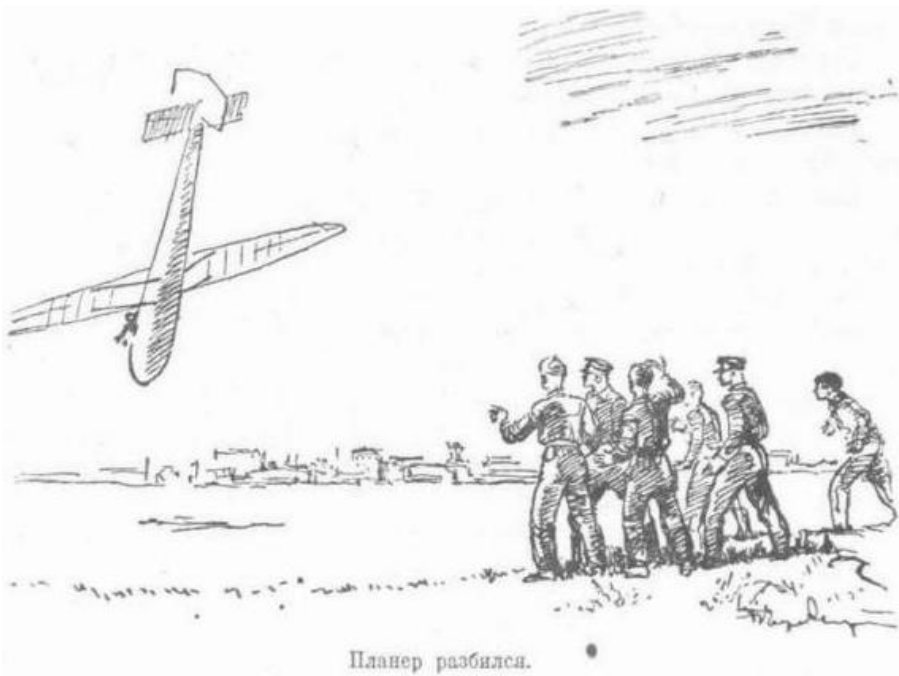
Показал нам инструктор, как нужно управлять планером. Нам показалось, что это просто. Стали просить поскорее пустить нас летать. Инструктор советовал не спешить, а нам нетерпелось. Наконец уговорили. Разрешил инструктор делать «пробежки». Скользить на планере по земле, а руль держать так, чтобы планер в воздух не поднимался. Нам и это показалось скучно.

Однажды посадили на планер нашу девушку, перемигнулись и натянули амортизатор что было силы.

— Лети!

Планер сразу взмыл вверх на несколько метров. Девушка наша испугалась, растерялась, выпустила из рук рули, и… не успели мы опомниться, как планер уже лежал на земле, беспомощно задрав свой хвост кверху.

Из-под обломков вылезла перепуганная насмерть девушка. Она отделалась только ушибами, а планер разбился. Долетались!..



Планер разбился.

Велико было наше горе! Невозможно выразить словами. Славка даже заплакал от обиды… А кто виноват? Сами же виноваты. Не надо было спешить. Не надо было сразу лезть в воздух. Сначала нужно бы «побегать» на планере по земле, потом попробовать чуть-чуть подняться: так на полметра от земли. Потом на метр, потом на три… И все выше и выше… Так обыкновенно и учатся летать на планере.

Пришлось нам собрать обломки планера, сложить их на грузовик и отправить в мастерскую. Целую неделю не вылезали оттуда — ремонтировали планер. Без сна и отдыха провели это время. Обедать нам приносили товарищи. Жалели. Не принеси нам — сами не попросили бы.

Починили планер и свалились, обессиленные, под верстаки на стружки. Целые сутки спали.

Уже была зима, когда первый раз по-настоящему я поднялся на планере в воздух. Уселся в кабину, оправил одежду, проверил рули управления.

— На планере! — крикнул инструктор.

— Есть на планере! — отозвался я, давая этим знать, что пилот готов к полету.

— На амортизаторе!

— Есть на амортизаторе! — откликнулись ребята, натягивая резину.

— Ста-а-арт!..

Шурша, планер побежал по снегу. Я потянул к себе ручку управления, в планер повис в воздухе над склоном горы.

Легкий ветерок дул навстречу и медленно, как бумажный змей, поднимал планер кверху.

Наконец я почувствовал, что подъем кончился; нужно не растеряться, переставить рули на снижение и, медленно планируя вниз, посадить планер на снег.

Весь полет продолжался минуты две-три, не больше.

Когда я вышел из кабины, у меня было такое смешное лицо, что все, кто был на старте, рассмеялись.

— Ты что, спросонья, что ли? — кричали мне.

А я действительно хлопал глазами… и ничего не понимал. Как будто в самом деле спал, только что проснулся и никак не пойму, где я, что со иной.

Потом опомнился, с завистью посмотрел вверх, где я только что был, и подумал: «Хорошо, да мало!»

Глава VIII
С ПЛАНЕРА НА САМОЛЕТ

Теперь совсем не диковина, если планер пролетел триста километров или забрался в высоту на тысячу метров, а то и на две. А в то время, когда я учился летать на планере, о таких полетах и не думалось.

Мы едва взлетала на высоту в несколько десятков метров и пролетали километра два.

Теперь наши советские планеристы летают много часов подряд, не садясь на землю, а мы держались в воздухе всего лишь несколько минут. Это понятно: у нас тогда еще не было таких хороших планеров, какие строят теперь. Да и людей не было, которые могли бы научить летать на планере долго, далеко и высоко. И я заскучал… Среди своих товарищей я считался очень хорошим планеристом, но меня это мало радовало. С завистью смотрел на пролетавшие высоко надо мной самолеты и печально думал: «Когда же я буду летать по-настоящему?»

Планер казался мне игрушкой, забавой, а летать на нем — совсем нетрудным делом, скорее баловством.

Я уже подумывал бросить это дело и снова попытаться поступить в военную школу летчиков.

Спросил у Ивана Архиповича: как быть?

Он мне посоветовал:

— Не торопись! Жизнь впереди большая. Успеешь!

Выходит — опять «подожди». Не торопись! Я, думается, только и делаю, что «жду» да «не тороплюсь».

Однако послушался Ивана Архиповича. Продолжал летать на планере и завидовать летчикам, которые иногда приезжали к нам на планеродром посмотреть, что мы делаем.

Вот однажды приехал я на планеродром. Опоздал немного.

Подбежал ко мне Коля. Заорал еще издали:

— Пляши, Медведь!

— В чем дело? Отчего мне плясать?

— Пляши, чудак! Тебя в летчики берут!

Подумал было: шутит Коля. Оказалось, правда.

Выбрали из нас самых лучших планеристов и отправили на Центральный аэродром в Москву учиться летать на самолетах.

Это была первая школа гражданских летчиков, а мы — первыми ее учениками.

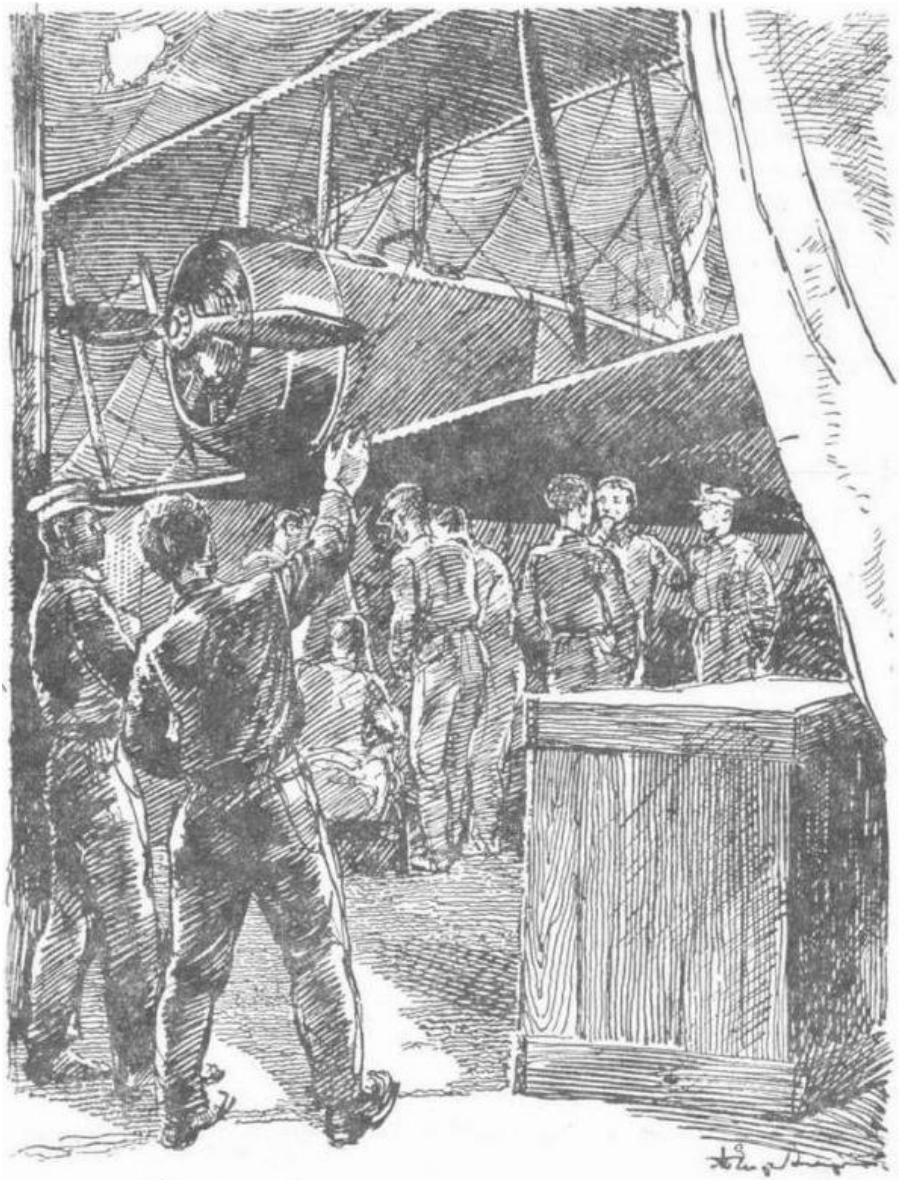
С Колей пришлось расстаться. Его не взяли в летчики. Слабое здоровье оказалось. Прощался он во мной чуть не со слезами.

Завидовал и радовался.

— Летай, Медведь! Смотри, хорошенько летай! А я тебе дом построю… Мне уж, знать, судьба такая: дома строить. Вот чудеса: «Бывает, что и медведь летает». Ан так и выходит! Будет летать наш Медведь!..

Началась для меня новая жизнь: с новыми товарищами, с новыми учителями.

Учились и работали мы на Центральном аэродроме в драной парусиновой палатке. Аэродром — огромное ровное поле. Края не видно. Ветер гуляет свободно — треплет лоскутья пашей палатки.



Учились и работали мы в драной парусиновой палатке.

В палатке — самолет. Тоже старый и поломанный. Вроде того, какой, помните, привез Павел Иванович. Вокруг самолета — ребята. Чумазые, как трубочисты.

Мы когда пришли на аэродром, думали: сразу летать начнем. Не тут-то было! Дали нам вот этот поломанный, грязный самолет и сказали: почините!

А к нему и подступиться страшно. От него одно основание осталось. Остальное все сломано.

Однако делать нечего — другого самолета нет.

Принялись за починку.

На улице зима — снег, холод. В палатке не теплее.

Руки к металлу прилипают. Терпенья нет! Проходящие мимо летчики над нами потешаются:

— Любишь кататься — люби и саночки возить!

А мы — злые, зубы на черных от сажи лицах блестят. Щелкаем ими — холодно. И думаем: «Кататься еще когда будем, а вот «саночки» не только что возить, а даже чинить пришлось».

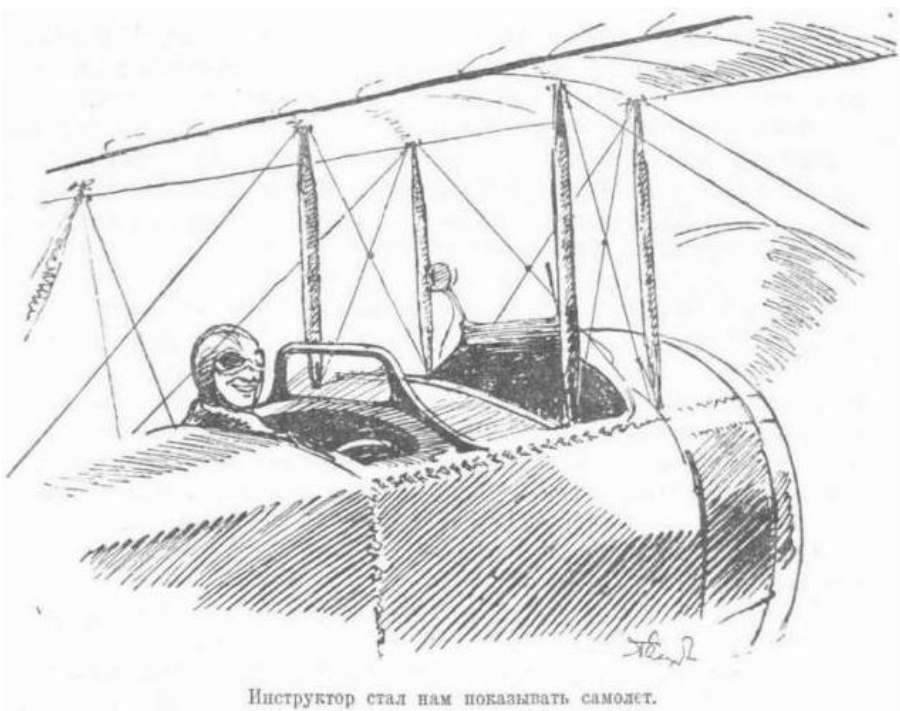
Стал снег на аэродроме стаивать. Починили мы самолет. Покрасили, заштопали, начистили, как новое голенище. А все-таки вид у самолета смешной! Похож он на тарантас с крыльями. Высокий, на четырех колесах. Неуклюжий такой. Обидно даже смотреть на него. Неужели на такой штуке полететь можно?

Спросили у начальства, почему нам плохой самолет дали.

— На плохом-то и учиться нужно, — ответили нам. — А хороший вам дай — сломаете, не умеючи…

Прислали нам инструктора, молодого летчика Сережу.

Когда земля на аэродроме подсохла, инструктор стал нам показывать самолет.



Инструктор стал нам показывать самолет.

В самолете — два места. На переднее садится ученик, а на второе, сзади, — инструктор. Пустят мотор, заревет он, и наш четырехколесный крылатый тарантас сначала медленно, а потом быстрее и быстрее покатится, подпрыгивая, по полю…

Первая задача была такая: прокатиться по аэродрому ровно, как по линейке, — никуда не свернуть и не дать самолету подняться в воздух. Это не так просто! Самолет сам рвется вверх — нужно «прижимать» рулями к земле и, вдобавок, следить, чтобы он мчался прямо, как стрела.

Когда все научились «кататься» на самолете по земле, инструктор стал нас «вывозить» в воздух. Взлетит и показывает там ученику, как нужно делать «разворот» — поворачивать самолет в воздухе — и как садиться на землю. Потом ученик сам управляет самолетом, а инструктор следит. Если что-нибудь не так, он поправляет.

Я учился хорошо и ждал с нетерпением, когда меня пустят в воздух одного, без инструктора.

Наконец настал и этот день.

Нам обещали, что первым выпустят в воздух самого хорошего ученика. А я незадолго до этого получил выговор от инструктора Сережи за то, что не послушался его и не так посадил самолет на землю. Правда, я после исправился, но мне казалось, что первым меня во всяком случае не пустят.

В этот день на аэродром приехал начальник лётной школы, переговорил о чем-то с инструктором шопотом.

Все притихли.

Я стоял у самолета. Вдруг Сережа подошел ко мне и приказал садиться и машину.

Я сел на свое место и стал дожидаться, когда на второе место сядет инструктор. Но он вместо этого отошел от самолета, улыбнулся и сказал:

— Летите один…

Все курсанты бросились заводить мотор. Но старая машина никак не хотела работать. Крутили, крутили — так и не завели. Мотор только фыркал, словно ему не хотелось везти меня.

Стало темнеть, и мой полет пришлось отложить до следующего дня.

А на другой день пошел дождик. Летать нельзя.

На третий дань — тоже. А я сидел на аэродроме под дождем, мокнул и все глядел на небо, — может быть, прояснеет. Но тучи ползли и ползли без конца, а дождик лил и лил.

Я сидел, мокрый до нитки, грозил тучам кулаком и чуть не плакал с досады.

Только на четвертый день мне удалось полететь!

Было ясное летнее утро. Мне приказали взлететь, набрать высоту в триста метров, сделать круг над аэродромом и сесть.

Когда я очутился в воздухе, несколько раз оглянулся назад, не сидит ли сзади инструктор. Мне почему-то казалось, что я не

один в самолете и не сам управляю им, а кто-то помогает мне. Когда же убедился, что сзади никого нет, то засмеялся.

Сам не знаю, почему мне вдруг стало так весело. Никогда в жизни я не хохотал так, как во время первого самостоятельного полета. Мне хотелось кричать, петь, прыгать от радости.

Надо мной было чистое голубое небо. Внизу плыла земля, фигурки людей казались крохотными, как мухи. На блестящих крыльях самолета отражалось солнце. Мотор ревел, рассекая воздух лопастями винта, которые от быстрого вращения сливались в прозрачный жужжащий круг…

Тут я впервые понял, что́ значит летать.

На свете много есть хорошего. У каждого человека есть что-нибудь самое любимое. Что касается меня, то самым любимым делом и удовольствием я считаю — летать. Когда долго не летаешь, становится очень скучно на земле. Говорят, что старые моряки скучают, когда они не в море. Так почему же не скучать летчику, когда он не в воздухе? Словами не расскажешь, как хорошо бывает, когда летаешь! Слов нехватит, чтобы рассказать об этом! Попробуйте полетать сами, тогда узнаете…

Скажу только: когда я полетел в первый раз, то очень не хотелось садиться опять на землю.

Если бы не приказ, я улетел бы далеко-далеко, пока не вышел бы весь бензин…

Однако приказа ослушаться нельзя. Я посмотрел на альтиметр — прибор, который показывает высоту, — и нажал педаль. Самолет накренился, приподнял крыло и медленно стал поворачиваться. Земля вдруг вынырнула из-под самолета и полезла к небу, а небо опрокинулось набок… Земля быстро приближалась ко мне. Я выключил мотор, и вдруг стало тихо. Только свистел ветер…

У самой земли я потянул руль высоты к себе, и земля опять исчезла из глаз… Потом услышал, как колеса мягко коснулись земли, и самолет покатился, подпрыгивая на неровностях.

Сойдя с самолета, я украдкой погладил себя по голове и шепнул: «Умник!»

Потом меня похвалил инструктор, а товарищи бросились поздравлять.

С этого дня я почувствовал себя настоящим летчиком.

Глава IX
«БОРОДА»

Вы помните Славку? Того самого, который нам с Колей помогал строить планер? Помните, как он врал нам, рассказывая о своем дяде-изобретателе, улетевшем на луну?

Славка вместе со мной учился летать на планере. А потом я поступил в школу летчиков и потерял его из виду. Не знал, где он и что делает.

Прошло порядочно времени. Мне оставалось еще полмесяца до окончания школы, и вдруг я встретил Славку. Мой старый приятель, оказывается, с тех самых пор не расставался с планером. Этой осенью его посылали в Крым на состязания, и он там показал себя хорошим планеристом.

Узнав, что я почти уже летчик, Славка позавидовал и стал жаловаться:

— Эх, как бы и мне в школу! Надоело летать на планере. Хочу на самолет! Устрой меня как-нибудь!..

— Как же я тебя устрою?

— Похлопочи, чтобы приняли в школу!

Жалко мне стало приятеля. Вспомнил, как самому хотелось поступить в школу. Решил помочь ему. Начальник школы любил меня. Вот я и надумал попросить его за Славку.

Условились, что завтра Славка придет к начальнику и станет проситься в школу, а я поддержу просьбу.

— Только ты смотри, — предупредил я приятеля, — не вздумай рассказывать начальнику, какой у тебя дядя… А то завершься и вместо школы улетишь за своим дядей-изобретателем куда-нибудь на луну!..

Славка обещал ни одного слова не соврать. И действительно, сдержал свое обещание — даже больше, чем следует.

Чтобы как-нибудь не завраться, он дома написал на бумажке все, что нужно сказать начальнику. Выучил это наизусть и решил больше ничего не говорить, а на все вопросы только и отвечать «да» или «нет».

Но когда пришел к начальнику, то с испугу все перезабыл. Вошел в комнату, встал у порога, вытянулся по-военному, руку к козырьку приложил и отрекомендовался:

— Владислав Рахенбах!..

Да громко так, словно из пушки выстрелил.

Начальник школы поздоровался и ждет, что Славка дальше скажет. А у того язык прилип. Дуется, краснеет парень, а сказать

не может. Что выучил, забыл… Наконец решился. Сделал шаг вперед, да в ляпнул:

— Товарищ начальник! Я… я… врать перестал!..

— Перестали? — Удивился начальник, не поникая, в чем дело.

— Да.

— Это хорошо.

— Примите меня в школу, товарищ начальник:

— За то, что врать перестали?

Все, кто был в комнате, рассмеялись. Начальник — тоже.

Но больше всех смеялся сам Славка.

Начальнику такая откровенность понравилась. Он поговорил с ним и сказал, что пока свободных мест в школе нет.

— Да я и без места! — взмолился Славка.

— Тогда вот что, — решил начальник, — пока не освободится место в школе, поработайте в наших механических мастерских. Это вам как будущему летчику полезно. Познакомитесь с системами самолетов, с моторами…

Славка с радостью согласился, а я его пожалел. Бедный малый не знал ведь, что это за «механические мастерские».

Работать там и грязно и тяжело. Надо перебирать моторы или чинить какую-нибудь «старую мельницу» — вроде нашего самолета. Дело невеселое.

А главное, начальником этих мастерских был человек, которого все курсанты страшно не любили.

Его звали «Бородой».

Он был маленького роста, с лукавым лицом и пронзительными глазками. Носил рыжую бороду клином, а голос имел тонкий и визгливый. И всегда ругался. Придирался к каждому пустяку. Очень не любил белоручек и франтов. Этих он прямо-таки допекал. Наденет парень новый галстук, а Борода тут как тут. Поднимет кверху указательный палец и запоет тоненьким голоском:

— Ага-а! Галстучки надели, а на аэродроме — грязь!.. Что это значит? Здесь школа летчиков, а не клуб, уважаемые товарищи! Здесь работать нужно, а не галстуки показывать! Эй, вы, галстук!.. Немедленно соберите с аэродрома в урну все окурки и бумажки, какие валяются на земле. Здесь аэродром, а не танцовальная площадка! Немедленно, чтобы было чисто!..

И пойдет и пойдет…

Главным же его занятием было пугать новичков. Особенно тех, кто потрусливее. А делал он это так.

Мы летали на очень старых самолетах. Удивительно даже, как они могли вообще подниматься в воздух. В то время у нас

своих самолетов не строили. Только, такой замечательный механик, как Борода, мог их заставить летать.

Но все мы знали, что на такой старой машине очень просто свернуть себе шею, попросту говоря, полететь сверху вниз, если с самолетом случится какое-нибудь несчастье. А кому же этого хочется?

Однако при всяком несчастии самое важное — не растеряться. Спокойствие прежде всего.

Известно, что у всех знаменитых летчиков были к жизни такие минуты, когда казалось, что ничто не могло спасти их. Или загорался самолет в воздухе, или рассыпался мотор, или еще что-нибудь, от чего жизнь летчика, как говорится, «висела на волоске», ему грозила смерть. И все-таки летчик спасался. Почему? А потому, что он находил в себе силу не растеряться в страшную минуту. Он был спокоен, как будто ничего страшного не случилось. Понятно, что спокойным может быть только смелый, уверенный в себе человек. Трус, конечно, растеряется и погибнет. Но не все же рождаются храбрыми. Некоторые хоть немножко, но трусят.

Так вот наш Борода примечал таких людей и делал из них храбрецов.

А для того чтобы они стали такими, Борода пугал их до-полусмерти.

Вообразите себе такую картину.

Трусоватый новичок садится в самолет. Он летит в первый самостоятельный полет. Инструктора на самолете нет — поправить ошибку в управлении некому. Курсант летит в первый раз один. Он, понятно, волнуется: «А ну-ка что-нибудь случится?» Прежде чем пустить самолет в такой ответственный полет, его осматривает сам Борода.

Вот тут-то и начинается комедия.

Борода подходит к самолету, зловещий и хмурый. Гремя инструментами, он начинает возиться в моторе. Потом долго ползает под брюхом самолета и все время вздыхает и ворчит:

— Хорошая была машина лет пятьдесят тому назад. А теперь хоть брось! Гроб, а не самолет… Настоящий гроб! Я бы на нем ни за что не полетел…

Новичок, сидя в самолете, слышит все это и трясется со страху.

Вид у него жалкий, Ему кажется, что наступили последние минуты в его жизни. Вот сейчас самолет взлетит и развалится на куски… И — конец!

Он с удовольствием выпрыгнул бы сейчас из самолета и убежал куда глаза глядят… «И зачем только я стал летчиком?! —

думает он, тоскливо обводя взглядом серьезные лица товарищей. — Больше я их не увижу…» И ему хочется плакать… Но нельзя ни убежать, ни заплакать: стыдно товарищей. Скажут: «Трус!» Засмеют. «Уж лучше смерть!»

Борода вылезает из-под самолета, вздыхает и, печально глядя на несчастного парня, творит, будто прощаясь с ним навсегда:

— Ну, лети, браток!..

— Конта-а-акт! — раздается команда.

— Есть контакт! — откликается полумертвый от страха новичок.

Проходит секунда… другая… Самые страшные секунды в его жизни! И… самолет медленно трогается. Потом быстрее, быстрее…

И наконец он в воздухе…

— На-арод! — кричит Борода, поднимая палец. — Не расходиться! Сейчас запасные части собирать будем!..

Но будьте уверены, что новичок, оказавшись в воздухе, перестает быть трусом. Он пережил весь страх. Страшнее того, что было на земле перед полетом, ничего быть не может.

Сделав посадку, он сходит с машины уже храбрецом. Теперь ему ничего не страшно. Он смеется и думает: «Как хорошо летать!»

И Борода ему кажется самым милым человеком на свете.

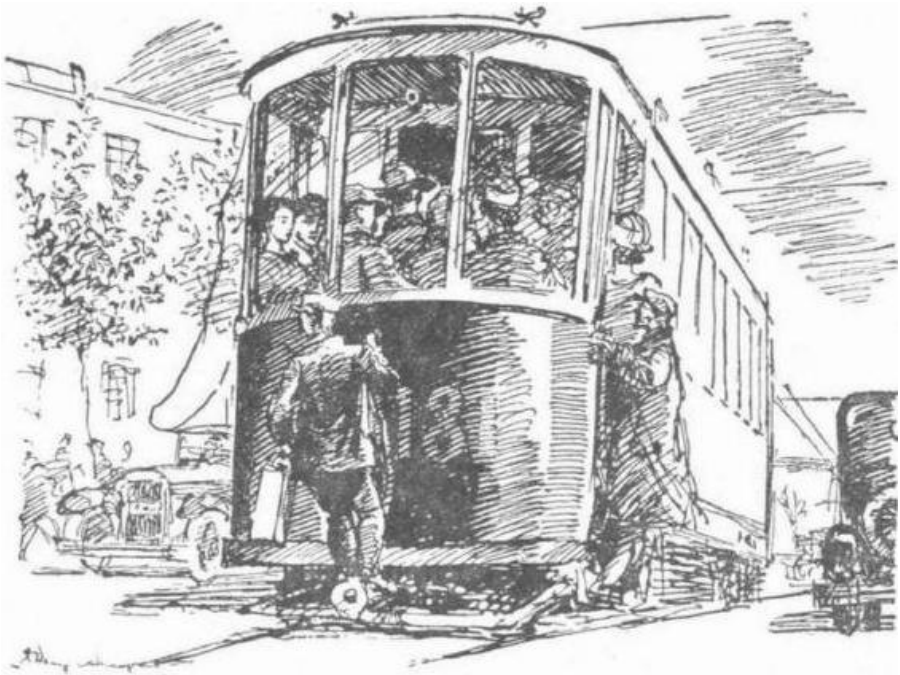
Он теперь понимает, что механик просто пугал его…

Вот к этому-то человеку под начало и поступил мой Славка.

На другой же день он явился на аэродром вместе со своим приятелем Николаем Сыроквашей, тоже планеристом. Ребята с азартом принялись за работу в механической мастерской. А Борода принялся их «школить».

Он скоро узнал способность Славки ездить на трамвайной «колбасе». Дело в том, что на работу в мастерскую Славка ходил в ватном пиджаке — спецовке. Работа в мастерской очень грязная, а умываться на аэродроме было негде. Возвращался Славка домой грязный, как трубочист. Спецовка его настолько просалилась, что с нее масло капало.

Понятно, что в таком виде Славку ни в один трамвай не пускали. А пешком итти далеко. Вот он и приспособился ездить на «колбасе». Уцепится сзади трамвая — и едет. Дешево и сердито! И денег за билет платить не нужно и никого не измажешь.



Славка уцепится сзади трамвая — и едет.

Для работы и мастерской требовался керосин. На аэродроме его не держали — нельзя. Приходилось каждый день с бидоном ходить за ним далеко — в нефтелавку. Это считалось наказанием. Провинится кто-нибудь из курсантов, сейчас Борода дает ему «дисциплинарное взыскание» — итти пешком за керосином. В трамвае ведь нельзя возить керосин.

Когда пришла очередь Славки, тот ухватил бидон, сел на «колбасу» и через полчаса ужо вернулся в керосином обратно. Бороде это очень понравилось. Скоро и хорошо!

Но как быть, когда только один Славка из всех курсантов умел ездить на «колбасе»? Нельзя же его каждый раз досылать за керосином! Это будет несправедливо, потому что за керосином курсант посылался только в наказание за какой-нибудь проступок.

И вот Борода пустился на хитрости. Как только керосин кончался, он начинал придираться к Славке. Это, мол, не так сделал, а это и вовсе из рук нон плохо… Славка слушает, слушает — не стерпит и огрызнется: зря, мол, придираетесь!

А Бороде только это и нужно!

Поднимет палец в запоет:

— Ага-а! Вы, кажется, молодой человек, спорите? Я, по-вашему, кто? Ваш начальник или мальчишка? Дисциплины не знаете? Здесь, молодой человек, авиационная мастерская, а не клуб! Здесь не спорят, а подчиняются начальству. Смирно! И —

отправляйтесь вне очереди за керосином!.. В следующий раз не будете спорить!..

Потом Славка догадался, в чем дело. Заметит бывало, что Борода начинает придираться, значит керосин весь вышел.

Молча хватает бидон и — марш.

— Рахенбах, вы куда? — кричит Борода.

— За керосином, товарищ старший механик!

— Гм… А кто вам приказал итти?

— Да я и без приказанья знаю…

— Ах, молодой человек! — примется пилить Борода. — Опять вы не знаете, что такое дисциплина! Здесь аэродром, а не базар! Вы не имеете права итти, если вам не приказано! И потом вы знаете, чти за керосином посылаются лица, получившие дисциплинарное взыскание. Ну, а вы почему идете? Вас же ведь еще никто не наказывал. Поставьте бидон на место!..

Славка ставит бидон и угол и ждет, что дальше будет.

— Рахенбах!

— Я, товарищ старший механик!

— За то, что вы не знаете дисциплины, я объявляю вам выговор!

— Слушаюсь, товарищ старший механик!

— А теперь, в наказание за то, что не знаете дисциплины, отправляйтесь вне очереди за керосином.

Глава X
МОИ УЧЕНИКИ

Пока Славка а Николаи Сырокваша работали в мастерской у Бороды, я кончил школу летчиков. Теперь я уже мог самостоятельно водить самолет и делать в воздухе некоторые фигуры. Понятно, этого еще очень мало, чтобы считать себя хорошим летчиком. Однако мне выдали удостоверение, в котором говорилось, что «пилот Головин имеет право водить учебные машины».

Наконец-то я стал летчиком! Но вы думаете, я успокоился? Нет!

Я сразу все спросил сам себя: ну, а дальше что?

Теперь моей профессией стало «летать». Из меня не получилось инженера, архитектора… Я бросил техникум, много терпел, много работал, старался — и все ради того, чтобы научиться летать.

Я вам уже рассказал, сколько обид пришлось мне перетерпеть, чтобы добиться своего. И я добился… «Кто ищет, тот всегда найдет!» — так поется в песне.

Я стал летчиком. Но мне этого показалось мало. Я должен стать хорошим летчиком. Очень хорошим! А для этого нужно было учиться еще и еще…

Однако по-моему не вышло. Имеете того чтобы учиться, я сам оказался учителем.

После окончания школы меня вызвал к себе начальник и предложил стать инструктором и учить летать других. Я согласился с радостью.

Явившись на аэродром уже не учеником, а инструктором, я спросил, кто же будет моими учениками. Мне показали две фигуры в ватных пиджаках в смешных ушастых шапках. И очень смутился, узнав в этих фигурах… кого, вы думаете?.. моих старых приятелей — Славку Рахенбаха в Николая Сыроквашу.

Удивляться было некогда. Увидев меня, ребята подошли, вытянулись, приложили ладони к шапкам, отдавая приветствие, и отрекомендовались:

— Товарищ инструктор, явились в ваше распоряжение!

Я тоже очень важно поднес руку к козырьку и чуть было не рассмеялся, глянув на плутовские липа моих приятелей. Смешно стало, когда подумал, что я теперь для них «начальство». С нынешнего дня они должны называть меня обязательно на «вы» и «товарищ инструктор».

Если они провинятся, я должен их наказать. Того же Славку, например, могу послать, как Борода, «вне очереди за керосином». Ничего не поделаешь — дисциплина. Я теперь начальник, а они мои подчиненные. И я теперь не могу сказать моему приятелю:

— Славка, подтяни пояс потуже. Холодно!

Это будет по-товарищески, но совсем не по форме. Я должен сделать строгое лицо и сказать, чеканя снова:

— Курсант Рахенбах! Извольте подтянуть пояс… Вы совсем распустились! Что вы стоите передо мной, как мешок? Уберите ваш живот! Вот так… Здесь аэродром, а не баня. Распоясались!..

Это будет по форме, хотя и не совсем приятно для моих друзей.

Понятно, что такие отношения между нами были только во время занятий. За воротами аэродрома я для моих приятелей был тем же Пашкой Медведем, как и раньше, в те времена, когда мы вместе учились летать на планере.

Дружно взявшись под руки, мы ходили по улицам, толкалось, смеялись, шалили.

Иногда всей компанией отправлялись в кино. Иногда затевали игру в снежки, и мои «подчиненные» с особенным удовольствием старались напихать мне за шиворот побольше снегу.

Но на аэродроме все опять менялось. Дисциплина вступала в свои права.

— Курсант Рахенбах! Приготовьте машину к старту!

— Есть приготовить машину к старту!

Я очень долго не мог привыкнуть к таким строгостям. Мои ребята — тоже. Помню, когда нам дали самолет, Славка очень обрадовался. Забылся — ударил меня ладонью по плечу и заорал:

— Ну, теперь, Медведь, полетаем!..

Вот ляпнул! Тут был еще кое-кто из курсантов да Борода в придачу. Славка опомнился, оглянулся — ехидный Борода теребил свою бороденку.

— Тэ-э-эк-с…

Приятель мой покраснел, растерялся и, виновато приложив ладонь к козырьку, пролепетал:

— Виноват, то… товарищ Медведь!

Час от часу не легче! Дался ему этот «Медведь»! На языке у него, что ли, застрял? Мне и смеяться хотелось, и зло брало. Главное, Борода тут торчит. А он дисциплину знает, как свои пять пальцев, «Хорош, — скажет, — инструктор, если его курсанты «Медведем» дразнят!» Пришлось мне огорчить Славку.

— Курсант Рахенбах, вы не выспались? — спросил я. — Перед вами стоит инструктор, а не какой-то там «Медведь»! А чтобы вы

в следующий раз не спали на занятиях, я вам объявляю выговор в приказываю вне очереди очистить от снега площадку перед палаткой! Вы на аэродроме, а не у себя на кровати!..

Борода одобрительно закивал головой, а Славка молча взял лопату и пошел чистить снег… Мне было очень жалко приятеля, но что же делать? Дисциплина прежде всего. Он никогда не должен забывать, что во время занятии я для него не «Медведь», а начальник.

Самолет моей группе дали самый старый из всех, какие были в школе. Кое-как починили его, и я стал учить своих курсантов летать.

Они оказались очень способными ребятами. Это и понятно. Кто выучился хорошо летать на планере, тому нетрудно научиться водить самолет. А мои ученики, как вы знаете, были очень хорошими планеристами. Словом, я был очень доволен своими учениками. Довольны ли они были иной, не знаю точно. Кажется, им больше всего во мне не нравилось, что я не позволял им вольничать, требовал, чтобы они точно подчинялись приказу.

Перед каждым полетом инструктор дает курсанту задание сделать то-то и то-то: взлететь на такую-то высоту, сделать тогда-то разворот… Это и есть приказ. Выполнить его нужно точно — ничего больше и ничего меньше.

Моим ученикам это очень не нравилось. Хочется полетать еще, а приказ дан садиться. Обидно! Хочется взлететь повыше, а приказ дан — выше нельзя. «Что ему, жалко, что ли?» ворчали они на меня.

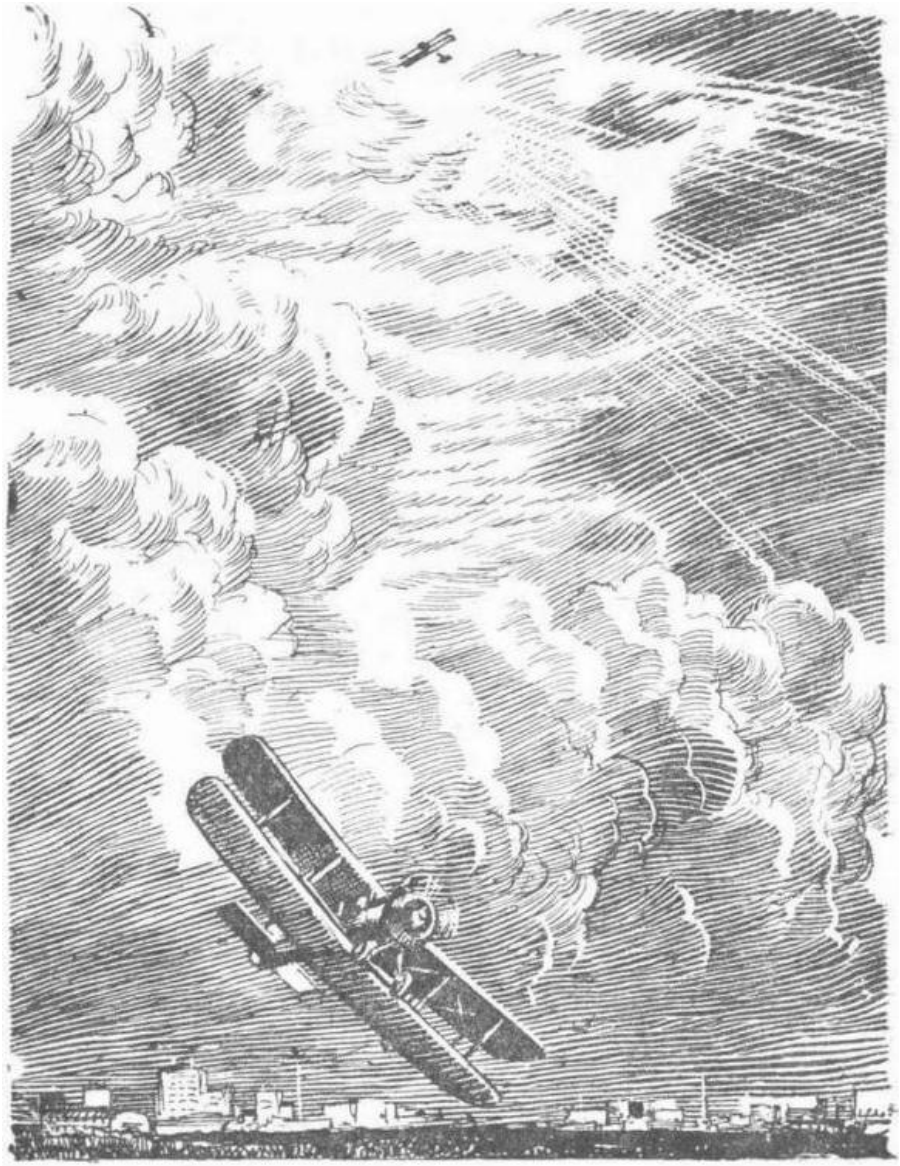
Дело не в том, жалко или нет. Летчик обязан точно выполнять приказы.

Когда я еще учился, был такой случай. Я только что взлетел, как у моего самолета сломался мотор. Нужно сейчас же садиться. На такой случай летчикам дается такой приказ: садиться прямо, как летишь, никуда не сворачивая. Дело в том, что на небольшой высоте наворачивать самолет в воздухе нельзя. Это очень опасно, и можно разбиться.

Когда у меня сломался мотор, я был очень низко. Посмотрел вперед: куда садиться? Впереди шоссе, а немного в стороне — крыши деревни.

Как ни садись, все равно рискуешь сломать машину. Жалко!

Тогда, недолго думая, я круто повернул самолет обратно. Это называется «разворот на 180 градусов». Я нарушил приказ, повернув самолет в воздухе на очень малой высоте.



Я повернул самолет в воздухе на очень малой высоте.

Я рисковал, потому что при повороте едва не зацепил крылом за землю. Если бы это случилось, то и я и самолет разбились бы…

Однако все обошлось благополучно.

Самолет сел, и я ожидал себе похвалы за то, что спас машину, не дал ей сломаться… Но вместо похвалы мой инструктор дал мне строгий выговор… Я ничего не понимал. Как же так? Ведь я спас машину?!

— Да, — сказал инструктор, — вы спасли машину. Но вас, в свою очередь, спас счастливый случай. Поворачивать машину на такой малой высоте — значит рисковать. Вы могли разбиться.

Просто случайность, что вы уцелели…

— Однакоже я цел?

— А если бы разбились? Кто за ото должен отвечать? Я — ваш начальник и отвечаю за вашу жизнь… Если бы вы разбились, то это значило бы, что я — ваш инструктор — не сумел научить вас точно исполнять приказы.

Этот случай научил меня слушаться приказов. Этому же я хотел научить и моих приятелей.

Однажды я простудился. Заболело горло, я охрип и мог разговаривать только топотом. Это очень досадно, потому что известная пословица говорит: «Доказано опытом, что нельзя командовать шопотом».

Я командовал шопотом, а мои ученики издевалось надо мной, пользуясь моей беспомощностью.

Вылетит кто-нибудь из них в полет со мной и начинает возить меня по воздуху, как вздумается. От шума мотора слов не слышно. Из моей кабины к ученику проведен телефон. Я шопотом ругаюсь в телефон, а ученик хоть бы что! Возит и возит.

Когда наконец садимся, я спрашиваю:

— Почему моих приказаний не выполняли?

А Славка — руку к козырьку и почтительно докладывает:

— Извиняюсь, товарищ инструктор! Честное слово, не слышал вашей команды. В телефон хрипит кто-то, а никак не разберешь!

Несколько дней я хрипел, и все это время они меня мучили. Отвели душу!

Наконец стал поправляться. Подхожу как-то утром к палатке, где стоял наш самолет. Вижу — снег расчищен, значит мои ребята тут. А мне давно хотелось послушать, что они между собой обо мне говорят. Подошел незаметно к палатке, остановился, будто папироску докурить, в стал слушать.

— Где же наш Медведь пропал?

Славка фыркнул:

— Горло, небось, прочищает! Да, брат Николаша, кончились наши завидные денёчки! Как было хорошо, когда у нашего Медведя горло сломалось! Свобода! Летай, как хочешь!

— Да, — вздохнул Николай, — не мешали бы ему еще поболеть недельку!

— Нет, брат, теперь — ау! Вчера уже орать начал, а сегодня, глядишь, и совсем по-настоящему заревет Медведь. Опять начнет дисциплину показывать!..

Я стоял у палатки и злился. Ах вы, такие-сякие! Вот вы как!

Вскочил в палатку и в самом деле заревел:

— Что за разговоры во время занятии? Рахенбах!

— Я, товарищ инструктор!

— Немедленно отправляйтесь вне очереди за керосином!

— Есть, товарищ инструктор! — весело крикнул Славка, хватаясь за бидон и украдкой подмигивая товарищу.

После занятий, когда мы были уже на улице. Славка сказал мне с укоризною:

— А все-таки нехорошо. Медведь, подслушивать чужие разговоры!

Я промолчал. Мне и в самом деле было неловко…

Через несколько месяцев мои ученики выучились летать.

Наступило время выпускать их в самостоятельный полет.

Для меня это было большим праздником. Еще бы! Первые мои ученики.

Смотреть на эта полеты собрались все курсанты. Приехало начальство школы.

Борода, как обычно, хотел было напугать моих ребят. Не удалось!

Мои ребята мастерски сделали свои первые самостоятельные полеты.

Все любовались ими.

Но на другой же день Славка испортил все дело.

Он поднялся в воздух, а через несколько минут я вдруг заметил, что его самолет падает… Спустя минуту он скрылся внизу, за деревней. Неужели случилось несчастье?

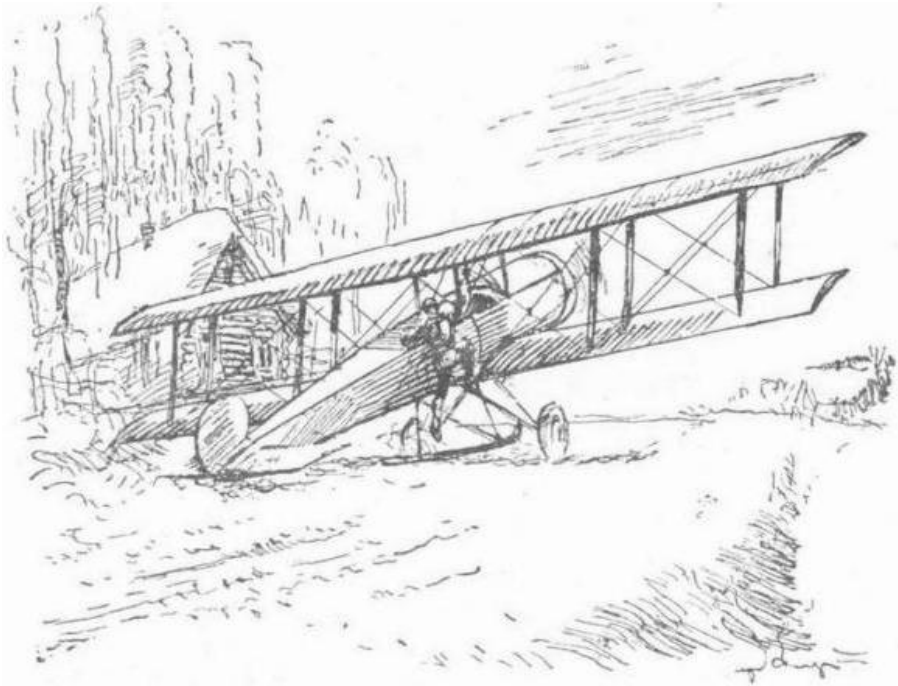
Я побежал к другому самолету, стоявшему невдалеке, взвился в воздух и полетел туда, где скрылся самолет Рахенбаха.

Подлетая, я увидел внизу любопытную картину. Самолет стоял посреди деревенской улицы — целый и невредимый. Около него копошился Славка. Должно быть, что-то случилось с мотором, и моему приятелю пришлось сесть. Я медленно кружился над ним, выбирая место для посадки своего самолета.

Славка тем временем исправил мотор и приготовился взлететь.

Один, без посторонней помощи!

Он запустил мотор, и самолет побежал ни земле все быстрее и быстрее. Славка на ходу вскочил в него, как вскакивает казак на седло или велосипедист на свой велосипед, и поднялся вверх.



Славка на ходу вскочил в самолет.

Он проделал это так красиво и ловко, что я залюбовался, наблюдая за ним сверху.

Но когда Славка вернулся на аэродром, пришлось строго наказать его.

В самом деле, если бы Славка не успел на ходу вскочить в самолет, что бы получилось?

Самолет взлетел бы и, никем не управляемый, свалился бы опять на землю и разбился.

Рисковать так нельзя. Пришлось мне сказать Славке:

— Курсант Рахенбах! Вы, кажется, забыли, что здесь аэродром, а не конские бега? Нельзя прыгать на самолет, как на лошадь, на всем ходу! Подумаешь, какой наездник!..

Еще через месяц мои приятели благополучно окончили школу, и их, как хороших летчиков, тоже сделали инструкторами.

Глава XI
РЕКОРД НА ПЛАНЕРЕ

Мне было уже двадцать два года. Совсем взрослый. Школа летчиков, где я учился, а впоследствии и сам стал инструктором, разрасталась с каждым годом. Уже не было этих старых самолетов, на которых учился я летать. Появились новые, советские самолеты, быстрые, красивые… Летать стало интереснее.

Я продолжал обучать молодых ребят искусству летать и был уже командиром целого звена самолетов.

Однажды летом, во время отпуска, я летал на агитсамолете по Московской области. Забирался в самые далекие, глухие уголки, где никогда еще но видели самолета.

Вернувшись из одного такого полета и Москву, я встретил Славку.

— Еду в Крым, — объявил он, — на планерные состязания. Хочешь, поедем вместе?

— А что я там делать буду?

— Летать, чудак! Вот а думаю новый мировой рекорд поставить. Давно мечтаю!

— Ну что же, — счастливый путь!..

— Поедем! — пристал Славка. — Хочешь, я тебя с одним конструктором познакомлю? Он новый планер построил. Хороший — двухместный. И ему как раз планерист нужен.

Я подумал: «Отпуск у меня еще не кончился, планеристом в свое время был хорошим. Разве в самом деле поехать в Крым, попробовать опять полетать на планере?»

— Ладно, Славка! Знакомь меня с этим конструктором!

Спустя несколько дней я уже был на заводе, где строился планер, и наблюдал за его снаряжением. Это был прекрасный двухместный планер замечательной отделки. Глядя на него, я невольно вспомнил те планеры, которые когда-то строил сам. И какими жалкими и убогими они показались бы, если бы поставить их рядом с этим красавцем! Да, на этом полетать можно!

Конструктор планера мне тоже понравился. Зато я ему — не очень. Ему во мне не нравился мой вес.

— Что я буду делать? — вздыхал он, оглядывая мою фигуру. — У меня же, знаете, все рассчитано. У меня каждая часть планера на весах свешана. Я рассчитывал, что мой планерист будет весить не более как шестьдесят килограммов. А

вы, товарищ Головин, такой огромный! В вас, пожалуй, все сто килограммов будет!

— Да нет! — успокаивал я конструктора. — Совсем не сто, а всего лишь восемьдесят пять!

— Ну вот! На целых двадцать пять килограммов больше. Ведь это лишняя тяжесть! Пожалуй, мои планер вовсе не взлетит с вами.

— Взлетит! В Крыму тепло. Я в одних трусиках летать буду. Все же легче…

На планере установили освещение — красные и зеленые лампочки на крыльях — и приборы, показывающие высоту. Наконец сборы окончились. Планер запаковали в вагон, а следом за ним поехали и мы с Борисом Николаевичем. Вот и Коктебель — место, куда я, помните, еще маленьким мечтал попасть на состязания планеров.

На склоне горы выстроились планеры, участвующие в состязаниях.

Среди них выделялся яркой, пестрой окраской наш красавец. «Темп».

На хвосте у нет стоял номер «5».

Когда мне разрешили подняться в воздух, чтобы испробовать, как летает новый планер, я очень волновался. Дело в том, что на состязания приехали уже опытные планеристы.

Многие из них не раз бывали в Коктебеле на состязаниях; некоторые считались замечательными планеристам и рекордсменами. А я почти что новичок среди них. На планере не летал очень давно и боялся осрамиться.

Сначала меня совеем не хотели пустить на состязания, потому что я не имел звания «парителя». А чтобы получить это звание, надо выдержать особый экзамен, доказать, что ты умеешь летать на планере. Потом решили не делать экзамена.

Взлетел я благополучно и скоро очутился на семьсот метров вверху.

Так высоко я никогда еще не летал на планере.

В начале этой книги я обещал вам рассказать, как летают на планере и почему вообще он летает, раз у него нет мотора, как у самолета.

Ну, вы, конечно, все знаете, что наша земля со всех сторон окружена атмосферой, проще говоря — воздухом. Воздух — это газ. Мы его не можем видеть глазами — он невидим. Не можем пощупать руками — он слишком легок для этого. Но мы всегда можем узнать, что вокруг нас есть воздух. Попробуйте махнуть рукой около лица, и вы почувствуете ветер. Это и есть воздух, который вы заставили двигаться, потревожив его рукой. Значит,

ветер есть движение воздуха. По тому, как движется воздух — быстро или тихо, мы с вами и говорим: «сильный ветер» или «тихий ветер».

Бывает такой ветер, который ломает деревья, сваливает телефонные столбы, топит корабли в море. Мы его называем бурей. Но бывает такой ветерок, что едва шевелятся листья на деревьях. Вообще же в окружающем нас воздухе никогда не бывает спокойно. Воздух всегда двигается, иногда так тихо, почти незаметно.

Вот это постоянное движение воздуха и помогает планеристу летать.

Высоко от земли воздух очень холодный. А у самой земли он теплый, потому что нагревается от теплой же земли. А вы знаете, что теплый воздух легче холодного. Сверху к земле постоянно движется, словно падает, холодный, тяжелый воздух, а от земли вверх поднимается легкий, теплый… Это движение воздуха вниз и вверх у планеристов называется «потоками».

Поток теплого воздуха называется «восходящим», потому что он поднимается вверх.

Поток холодного воздуха называется «нисходящим», потому что он падает вниз.

Теперь подумайте и скажите: что́ будет с планером, если он попадет в поток теплого воздуха? Конечно, планер тоже станет подниматься кверху. Его увлечет за собой восходящий поток.

А если он попадет в холодный поток? Ясно, что, падая на землю, нисходящий поток потянет за собой вниз и планер.

Значит, для того, чтобы планеристу хорошо летать, ему нужно выбирать в воздухе нужный ему поток.

Я вам расскажу интересный случай, который был со мной во время одного полета в Коктебеле.

Вылетели мы на планере «Темп» с пассажиром Федей. Летали над склоном горы. Недалеко от нас летал орел. Летал он так: сделает несколько кругов над одним местом, потом остановится, распластав крылья, и словно висит в воздухе, не шелохнувшись ни одним перышком. И вниз поглядывает — добычу ищет…

Меня заинтересовало: почему орел не падает? Ведь он не машет крыльями. Почему он держится в воздухе? Я направил планер к тому месту, где летал орел. Оказавшись над этим местом, я почувствовал, что планер медленно поднимается еще выше. Значит, мы попали в сильный восходящий поток.

При нашем приближении орел замахал крыльями, отлетел в сторону и опять остановился. Я — за ним. Подлетели — опять восходящий поток.

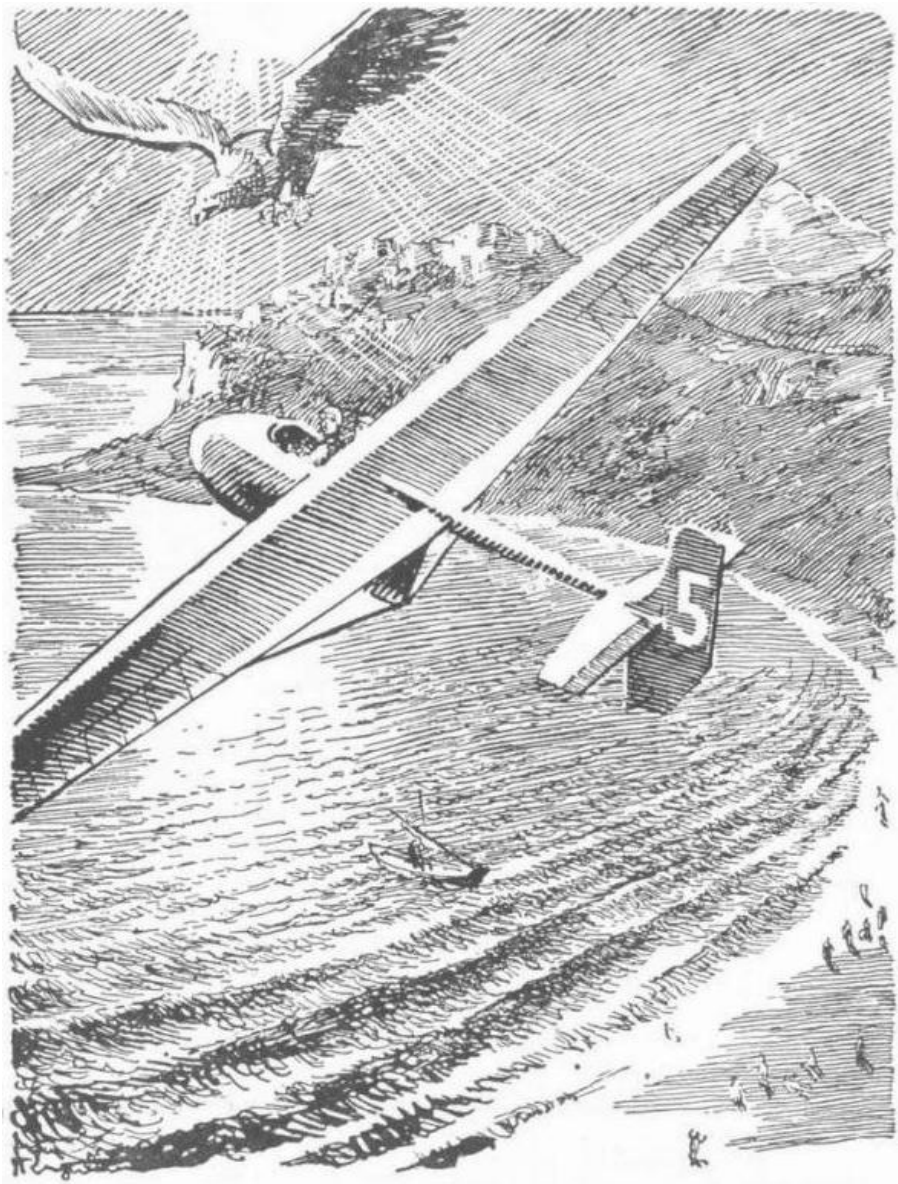
Мы долго гонялись за орлом. Куда он, туда и мы. И везде

оказывалось, что наш планер тянет вверх. Значит, орел искал для себя места, которые и нам нужны были, — восходящие потоки.

— Чудеса! — засмеялся мой пассажир Федя. — Оказывается, орел тоже планерист.

То ли орлу надоело от нас удирать, то ли ему любопытно стало, что это за штука за ним летает, но он подпустил нас к себе, поднялся немного повыше и стал кружиться над нами.

Над своей головой, совсем близко, я видел его чешуйчатые лапы. Такие огромные, чти в них свободно можно унести теленка.



Над своей головой, совсем близко, я видел орла.

Свесив горбатый острый клюв и поворачивая голову то в ту, то в другую сторону, орел внимательно разглядывал меня немигающими глазами. Федя испугался.

— Смотри ты, — прошептал он, — вот ему взбредет сейчас в голову долбануть тебя клювом в затылок — и поминай, как звали. Полетим вниз камнем!..

Но орлу, должно быть, не хотелось с нами связываться.

Он еще раз облетел вокруг планера, осмотрел его со всех сторон и, тяжело махая крыльями, скрылся за горой.

Когда я испытал планер, конструктор меня спросил, что я буду делать дальше. Планеристы между собой состязались так: кто дольше всех пролетает, не садясь на землю, кто выше всех поднимется на планере в воздух и кто дальше всех улетит.

Я решил побить рекорд на продолжительность — пролетать дольше всех.

Я вылетел утром, а сел уже вечером. Пробыл, кружась в воздухе, целых двенадцать часов. До этого никто у нас в Союзе так долго не летал.

Этим полетом я установил уже мировой рекорд.

Я пролетал дольше всех в мире.

Обо мне стали писать в газетах, а командир состязаний предложил завоевать еще один мировой рекорд: дольше всех пролетать на планере, но не одному, а с пассажиром.

Незадолго до того этот рекорд завоевали немцы. Они у себя и Германии на своих состязаниях пролетали семь часов. Это считалось очень много, потому что летать с пассажиром вдвое труднее, чем одному.

Однако я согласился. Очень уж хотелось обогнать немцев! На другой день утром мы вылетели. Пассажиром у меня был тот же Федя. Он не летчик и не планерист, а просто рабочий с завода, где строился наш «Темп». Парень веселый и певун. Но время полета всё песни пел. А у меня в кармане била губная гармоника. Федя пел, а я ему подыгрывал. Весело летали!

Потом вдруг погода испортилась. Небо заволокло облаками, хлынул сильный ливень. За несколько минут мы с Федей до нитки вымокли. Стало холодно. Зубы стучали. Порывистый ветер трепал планер, и нас качало, как в люльке. От качки стало тошнить… Федя разохался и стал проситься «домой» — вниз. А мне жалко было садиться. Пролетали уже пять часов. Неужели сдаваться немцам?..

К счастью, дождик скоро перестал, облака разошлись, и опять проглянуло ласковое солнышко. Мы согрелись, ветерком нас обдуло, и все стало прекрасно. Одна беда — есть очень хотелось. А запасов не догадались взять побольше. У Федя в кармане было

несколько сухарей да штук пять виноградных кистей. Он изредка давал мне по ягодке, а сам съел все остальное. Съел и запел снова… Стало уже темнеть, когда с земли поднялся другой планер и подлетел к нам. Планерист что-то кричал. А что — никак не разберешь. Поняли только одно слово: «садись».

Я посмотрел на часы. Мы летали уже восемь с лишком часов. Подумал, что начальство приказывает садиться потому, что немцев я уже обогнал: они ведь только семь часов пролетали.

Повел планер на посадку. Навстречу мне бежали люди. Впереди всех бежал командир состязаний и еще издали кричал:

— Зачем же вы сели?

Оказывается, немцы пронюхали, что я хочу их обогнать, и решили не сдаваться.

Утром, когда я поднялся в воздух, в тот же самый день, только на час раньше, в Германии поднялся на планере немецкий планерист. Он пролетал девять часов и, когда сел, послал телеграмму об этом в СССР.

Получили телеграмму, когда я еще был в воздухе. Но как мне дать знать, что немцы опять впереди и нужно летать как можно дольше?

Решили послать в воздух еще планер и приказали планеристу крикнуть мне, чтобы я не садился до той поры, пока не дадут снизу сигнала.

Планерист кричал мне:

— Садись после сигнала!

А я расслышал только одно слово: «садись» — и сел…

Сами понимаете, как мне было обидно! Даже затосковал с горя. Потом подумал: время еще есть, дней впереди много.

И решил:

— Все равно обгоню!

Одна беда: от долгого неподвижного сиденья в кабине разболелись ноги. Прямо терпенья нет! Едва дошел до дома. Отдыхать пришлось не много.

На другой день вылетели мы с Федей еще до рассвета. И решили летать до самой ночи, Покажем мы немцам, как умеют летать советские планеристы!

И оконфузились… Нас подвела погода. Совершенно не было ветра. Куда ни сунемся, всюду жмет нас к земле нисходящий поток.

Промучились так часов пять. Вижу, дело скверное!

Дольше летать невозможно. Планер летел низко-низко, и я очень боялся зацепить в темноте за какой-нибудь забор. Внизу — тьма. Земли не видно.

Вдруг крылья планера зашуршали по верхушкам кустов,

потом что-то треснуло. Планер перевернулся, и мы оказались на земле. Все это в какую-нибудь минуту…

Вылезли мы с Федей из-под планера и стали дожидаться рассвета. Впотьмах ведь никак не узнаешь, сломался планер или нет. Когда рассвело, то увидели, что планер перевернулся, но цел.

Значит, все в порядке. Еще полетаем!

Утром за нами прислали лошадей, и они поволокло планер на гору. А мы с Федей пошли спать.

Прошло еще несколько дней, прежде чем нам разрешили опять лететь. Вместе с нами выпустили с воздух еще планер.

Кто-нибудь из нас двоих должен обогнать немцев. Без этого на землю не возвращаться.

Весь день мы пролетали рядом. А когда стало смеркаться, потеряли друг друга из виду.

Чтобы как-нибудь не столкнуться впотьмах, я зажег на крыльях планера электрические лампочки — зеленую и красную.

Федя сидел на своем месте за моей спиной и спокойно спал.

Он в последнее время так привык летать, что, нисколько не тревожась тем, что висит в воздухе на высоте в полкилометра, храпел в обе ноздри. Даже завидно было. Ему ведь можно спать, а мне польза.

Когда совсем стемнело, мой пассажир проснулся, зевнул, потянулся, спросил, который час, заглянул через борт вниз и запел:

Ах, ты ноченька, ночка темная…

Смешной этот Федя!

Спел песенку, потом вытащил из кармана сухарь и принялся хрустеть им.

— Эй, кучер! — крикнул мне Федя. — А, должно быть, мы высоко. Смотри, как тускло горят костры внизу.

Я посмотрел на альтиметр, стрелка показывала семьсот метров. Так высоко мы за весь день не были. Высота все прибавлялась. Мы стали, как говорят планеристы, «пухнуть».

— Федя, — сказал я, — полетим к морю!

— Чего? — забеспокоился мой не особенно храбрый пассажир. — А чего там делать?

— А просто так — посмотрим его ночью… Надоело на одном месте кружиться…

— И не думай! Я тебе такое покажу море… Летаешь ведь? Ну и летай! А море — не нужно. Я его сам посмотрю завтра, когда на земле буду. Так спокойнее… А то ишь что вздумал! Залетел нивесть куда и хочет море разглядывать! Я тебе погляжу! —

погрозился Федя напоследок.

— Ты, Феденька, трус! — засмеялся я.

— Не твое дело! Я для тебя кто?

— Пассажир.

— Совершенно верно. А ты для меня кучер. Значит, слушайся! Что же это получится, если кучер повезет пассажира, куда ему совсем не хочется? А я не хочу к морю лететь. Значит, точка! Я не хочу никакого моря! Еще свалишься, и плавай с рыбами, пока не утонешь…

Я, однакоже, не послушался и повернул планер в сторону моря.

Федя совсем взбесился! Он страшно ругался. Потом, видя, что это не помогает, схватил меня сзади за воротник в принялся колотить кулаком по затылку, приговаривая:

— Поворачивай! Поворачивай!

Делать нечего, повернул обратно.

Пассажир мой успокоился, спел еще одну песенку, а потом захрапел…

Тогда я повернул-таки планер к морю.

Через полчаса в стороне показались огни города. Это Феодосия.

Пролетел над портом, прислушался — город засыпал. Тихо. Дальше начиналось море.

Понятно, я ничего не видел внизу. Только еле-еле доносился до моих ушей шум прибоя.

Над морем я пролетел несколько километров. Потом решил повернуть обратно. Над городом сделал несколько кругов и полетел к мосту посадки.

В это время проснулся Федя.

— Где мы? — спросил он, протирая глаза.

— Опоздал, Феденька, полюбоваться морем!

— Врешь!

— Не врешь! Оглянись — сзади Феодосия! Видишь огни?

— Ну, брат, хорошо, что я не проснулся над морем! — проворчал пассажир. — Я бы тебе задал перцу!

Федя долго ворчал, потом съел все, что оставалось у него в карманах, и успокоился. Мне же ни крошки не дал!

Скоро я увидел огни костров внизу. Посадка!

Когда мы сели, раздалось громкое «ура».

Кричали летчики, планеристы, конструкторы…

Мы с Федей пролетали одиннадцать часов и больше чем на два часа обогнали немцев.

На другой день я получил телеграмму от Климента Ефремовича Ворошилова.

Народный комиссар поздравлял меня с победой.

Глава XII
СИБИРСКИЕ РАССКАЗЫ

Вернувшись из Крыма, я снова принялся учить курсантов.

Сказать откровенно, мне это занятие очень надоело. Скучно! Мне хотелось летать далеко и долго. А в школе — нельзя. Летай, пожалуйста, над аэродромом. А дальше никуда.

Стал я думать, как бы переменить работу.

Скоро мне пришлось познакомиться с полярным летчиком Анатолием Дмитриевичем Алексеевым. Рассказал он мне об Арктике.

И с тех пор неудержимо потянуло меня туда. Манили к себе необъятные просторы, глухая тайга, угрюмый северный океан, незаходящее солнце, вечные льды, белые медведи… Стал я мечтать о полетах в Арктику.

Бросил школу и перешел на работу летчиком в полярную авиацию.

С тех пор вот уже пять лет я — полярный летчик. За это время много было со мной всяких случаев. Всего не расскажешь в одной книге. Поэтому остановлюсь только на самом интересном.

Вот, например, такой случай. Летели мы на большом морском самолете в Карском море. Наш самолет был гидропланом. Он мог садиться только на воду и взлетать с нее же. На таком самолете можно не только летать, но и плавать, как на глиссере. Внутри него просторно и светло, как в комнате. Кроме двух летчиков, которые по очереди вели самолет, там были еще два механика, на обязанности которых лежало следить за работой моторов, и штурман, отмечавший на карте направление, по которому должен лететь самолет.

Итак, мы летели над морем, держа курс на остров Диксон.

За штурвалом самолета сидел летчик Матвей Козлов. Вдруг он заметил, что наш компас не работает. Что с ним случилось, неизвестно. Только стрелка стоит, как мертвая!

Матвей со злости колотил по несчастному компасу кулаком. Толку никакого. А без компаса, вы знаете, ни плавать, ни летать нельзя. Как же узнаешь, в какую сторону летишь? Без компаса сейчас же заблудишься. Хорошо, что мы были недалеко от берега.

Повернули обратно и стали искать тихое местечко, где бы

сесть и починить компас.

В океане гулял шторм. Огромные волны накатывались на голый, каменистый берег и отступали, оставляя на скалах комья белой пены. На такие волны нельзя садиться — разобьешь самолет. А садиться непременно нужно — у нас мало оставалось бензина.

Наконец Матвей увидел какую-то речку, впадавшую в океан, и решил посадить машину в ее устье. Нам казалось, что волны не заходили в реку.

Матвеи выключил моторы и стал снижаться. Едва коснулись воды, как машину подбросило вверх. Волны так яростно колотили самолет, что казалось, нас бьет о камни и вот-вот разобьет в щепки.

Пришлось снова дать моторам полный газ и подняться в воздух.

Положение становилось отчаянным: и лететь нельзя без компаса и садиться некуда.

Еще через полчаса полета увидели недалеко от берега стоявший на якоре большой пароход, а рядом с ним баржу. Это было для нас спасением. На пароходе, наверное, есть бензин, необходимый для наших моторов. Там же мы могли бы починить компас.

Сделали два круга над пароходом, а волны снизу грозятся: попробуй, мол, сядь!

Матвей осторожно попел самолет вниз. Коснулся одного «гребешка»… Сначала подкинуло, потом опустило и начало «болтать».

Зеленая холодная вода хлынула в рубку. Матвей только фыркал, когда соленые струи попадали ему в лицо. Ему удалось удержать самолет носом к волнам, и они, прокатываясь вдоль по самолету, не заливали его. Но мы уже успели вымокнуть до нитки.

Матвей крикнул мне, чтобы я взял штурвал, а сам пошел в радиорубку переодеться — сменить мокрое платье.

Едва я уселся за штурвал, как самолет вдруг накренился. Одно крыло покрыла волна, и я почувствовал, что весь самолет боком катится под воду. Стиснув зубы, чтобы не наглотаться морской воды, и зажмурившись, я мертвой хваткой вцепился в штурвал.

— Закрой газ! — крикнул Матвей.

Моторы остановились, самолет выплыл и сам повернулся носом к ветру…

На пароходе видели наше бедственное положение, но ничем помочь не могли. Мы боялись подойти ближе. Волнами нас могло

бы стукнуть о пароход и разбить в щепки.

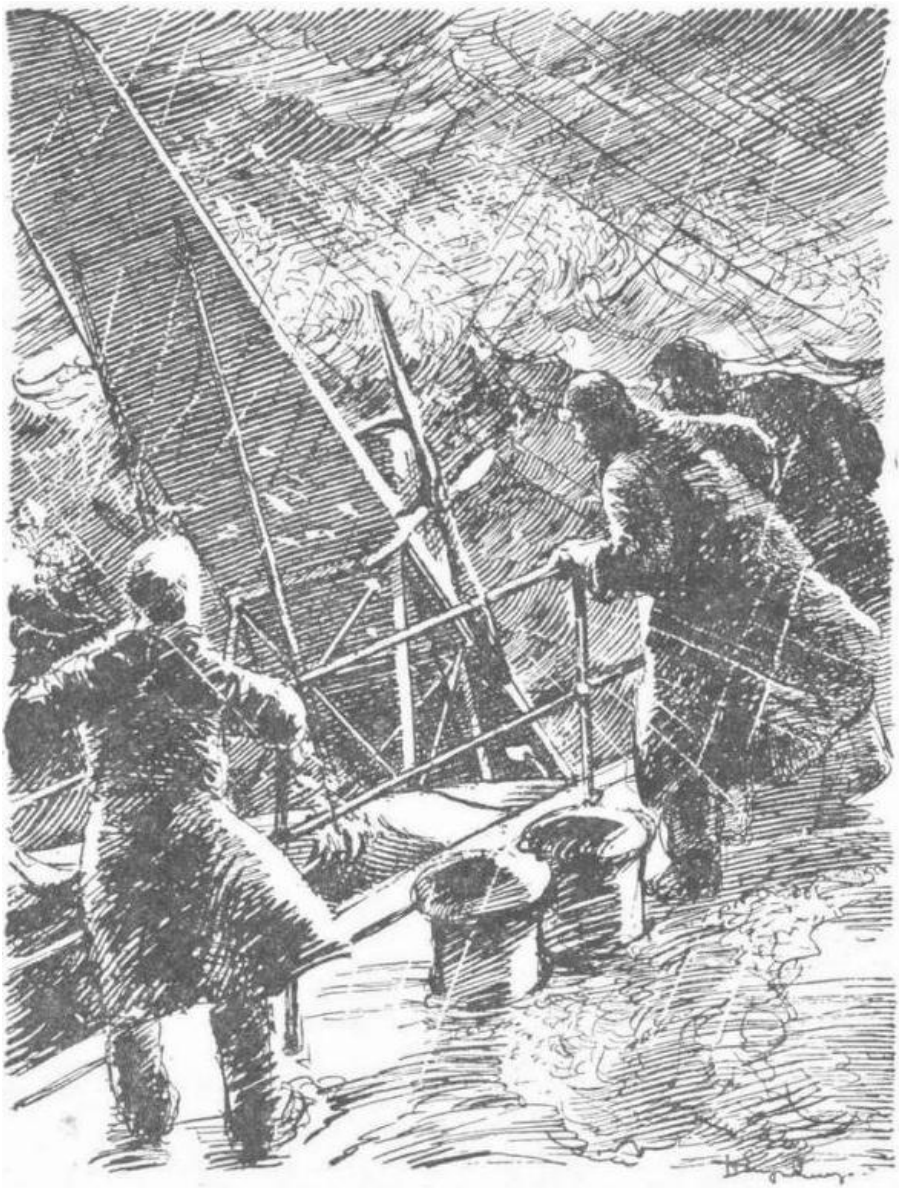
С парохода спустили катер, и несколько матросов, отчаянно борясь с волнами, подплыли к нам, чтобы бросить конец каната и взять на буксир. Но ветер отогнал и нас и лодку с матросами далеко от парохода, и там не знали, кого спасать прежде — матросов или нас.

Наконец нам удалось подойти к корме баржи, где ветер был тише и волны не так били. С баржи нам кинули сразу три каната — два пеньковых и один стальной.

Привязали самолет к этим канатам и по ним же взобрались сначала на баржу, а потом и на пароход.

Трое суток был шторм.

Три ночи мы не спали, а смотрели с борта парохода, как постепенно гибла наша машина.



Мы смотрели с борта парохода, как постепенно гибла наша машина.

Мы бессильны были спасти самолет. На этот раз свирепая стихия взяла верх над человеком.

Когда шторм утих, на присмиревших волнах качался наш самолет, поврежденный настолько, что на нем летать уже было нельзя.

Его втащили на баржу, а мы из летчиков превратились в моряков. Целых два месяца пришлось проплавать, пока пароход окончил свой рейс и привез нас в Тобольск, где мы принялись за починку самолета.

Однажды мне поручили перевезти на гидроплане из Балаганска в Усть-Кут четырнадцать пассажиров.

Балаганск стоит на реке Ангаре, а Усть-Кут — на Лене. Между этими двумя реками тянется полоса суши шириной в двести пятьдесят километров. Перелететь это расстояние при хорошей погоде — очень нехитрое дело. И я не беспокоился.

Утром самолет заправили горючим, пассажиры уселись, и я взлетел.

Немного погодя в воздухе стали попадаться клочки тумана. Потом он стал сплошным, а только вершины гор поднимались из белого моря облаков. Внизу ничего не было видно.

Но моим расчетам, самолет уже был над Леной. Но как сядешь в таком тумане? Ведь это все равно, что садиться впотьмах.

Будь я один в самолете, можно бы рискнуть сесть. Но сзади меня сидели пассажиры, среди них были маленькие дети. Я не имел права рисковать жизнью людей. Я должен доставить их на место целыми и невредимыми.

Не чуя беды впереди, я приказал перед отлетом не наливать в баки много бензина. Путь ведь очень короткий. Каких-нибудь два часа.

А туман все сгущался. Что же делать, однако, если выйдет весь бензин? Куда садиться?

И неизвестно еще, что внизу — вода или суша. Хорошо, если вода. А если земля? Ведь на нее на лодке не сядешь.

Думая так, я оглядывался по сторонам. Заметил, что в одном месте полоса тумана гуще, чем в других. Подумал: если туман здесь гуще, значит внизу река.

Повел самолет над этой полосой. Напряженно вглядывался вниз, не будет ли в тумане «окошка». И действительно, через несколько минут окошко нашлось, и в нем мелькнула вода.

Значит, все в порядке. Летим над Леной!

Потом вдали показалась открытая от тумана вода. Я направил туда самолет и оказался над рекой. Только что́ это за река?. На Лену не похожа. Раздумывать было некогда — бензин весь. Но я уже не волновался. Знал: раз внизу вода — значит, сяду. Оглянулся назад. Ребятишки спали за спинкой моего сиденья. Пассажиры спокойно дремали или закусывали, переговариваясь знаками. Моторы с их шумом мешали говорить. Лица у всех были спокойные. Никто не подозревал, какая беда надвигалась на всех… Я посадил самолет у какой-то глухой деревушки.

Когда на берег прибежал народ, я спросил, далеко ли до Усть-Кута. Никто не знал, что это за место. Оказалось, что никакого Усть-Кута поблизости и не было. А мы сидели не на Лене, а опять на Ангаре, только гораздо дальше от места, где был Балаганск. Заблудились в тумане…

В том месте, где Лена впадает в океан, находится множество маленьких островов.

Один из этих островов называется Дунай.

Добраться до него можно или на лодке, или зимой по льду.

Пароход к Дунаю подойти не может — мелко.

В 1933 году на Дунае построили радиостанцию и поселили трех зимовщиков. Их перевезли туда зимой на собаках.

Сначала им жилось ничего, а потом вдруг радиостанция на Дунае замолчала. И никто не знал, что сталось с зимовщиками.

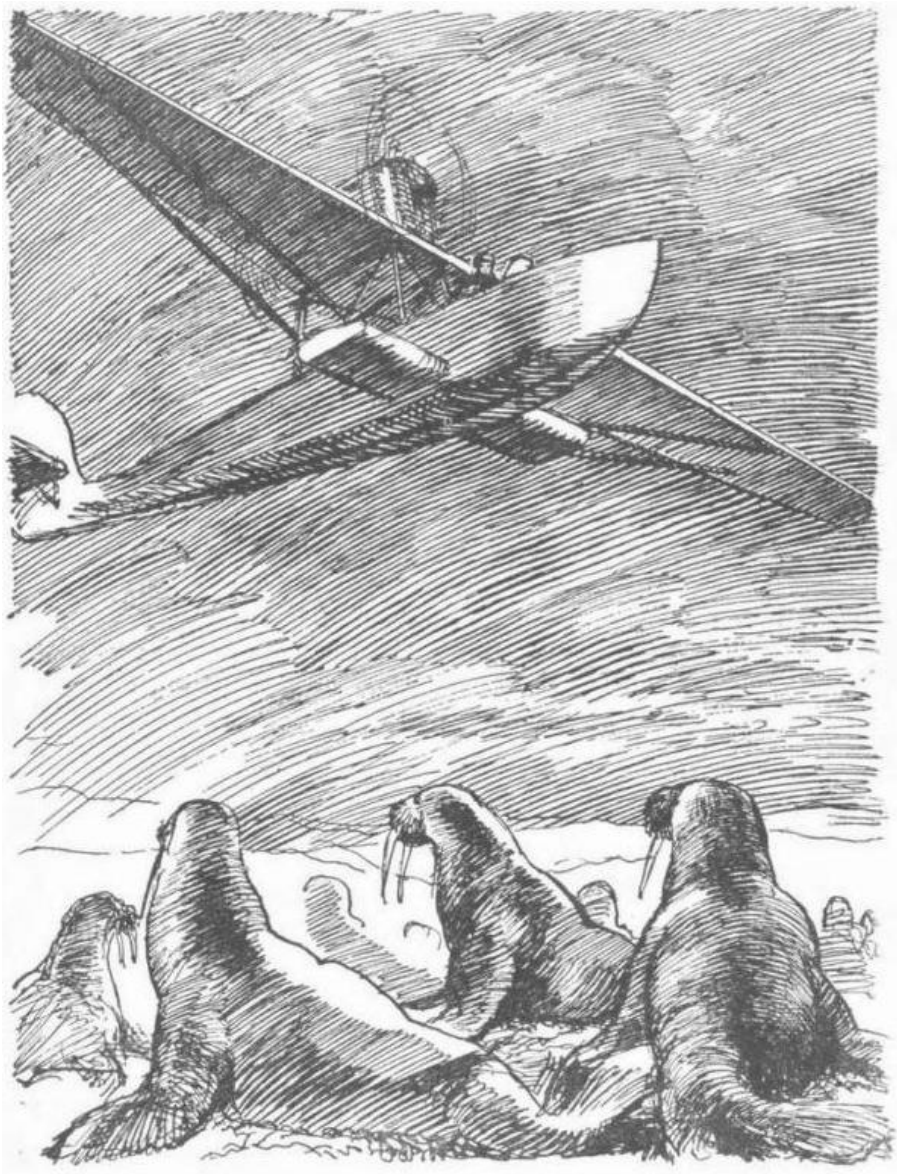
Может быть, зимовщики заболели? Может быть, у них нет продовольствия и им грозит голодная смерть? Нужно как можно быстрее снять их с острова. А как это сделать? На лодке плыть долго. Пароход к острову подойти не может. Решили послать самолет. Полетел я на Дунай за зимовщиками…

Только вот беда: долго не удавалось найти этот островок среди множества других. Их внизу пропасть, и который из них Дунай, неизвестно. Понимали, что где-то здесь близко, а где? Искать мешал туман. А когда попробовали сесть, то наткнулись на мель. Еле выбрались опять в воздух.

Пролетая над одним островом, увидели внизу на отмели какие-то странные предметы. Нам показалось, что это лежат ржавые железные бочки.

Я подумал: может быть, где-нибудь разбило баржу, волнами принесло сюда и выбросило на берег эти бочки. Решил снизиться и посмотреть поближе. Но вдруг бочки зашевелились и подняли кверху страшные, клыкастые морды.

Это были совсем не бочки, а моржи…



Это были моржи.

А Дуная все не было. Куда он девался?

Наконец механик увидел внизу что-то похожее на дом. Вернулись и еще раз прошли над этим местом. Действительно, белые метеорологические будки. Дунай!

Но как сесть? Со стороны моря большие волны, а со стороны реки, должно быть, мелко. Некуда садится!

Однако людей нужно спасать. У них ведь вся надежда на нас.

Рискуя разбиться, сели на мелком месте. Бросили якорь. На берегу суетились в страшном беспокойстве три человеческие фигуры.

Мы спустили с самолета резиновую лодочку; в нее сел мой помощник. Спустя час на самолет поднялись зимовщики. Они были очень бледные, худые и слабые. Им пришлось полтора месяца питаться одним моржовым мясом, а из остальных продуктов остался всего лишь маленький мешочек пшена. Они его не ели — берегли на случай, если кто-нибудь заболеет. Моржовое мясо очень жесткое и грубое. Его даже здоровый человек с трудом ест, а больному совсем невмочь.

Наш самолет прилетел во-время.

Однажды я сделал посадку в устье реки Олеши.

Бросил якорь, и всем экипажем вышли на берег.

На берегу — якутская деревня.

Остановились на ночь в большой чистой избе старого якута. Он кормил нас гусятиной, а мы его угощали хорошим табаком и московскими конфетами.

Весть о нашем прилете разнеслась далеко по тундре.

Люди приезжали издалека только затем, чтобы посмотреть диковинную птицу — самолет — и людей, прилетевших из красной Москвы.

Утром к нам пришел якут с больным, измученным лицом. Правая рука у него была завязана тряпкой. Он ходил на охоту и изуродовал руку. Разорвалось ружье.

Я осмотрел руку. Она была опухшая, синяя. Начиналась гангрена, и якуту грозила верная смерть.

— Полечи, — сказал якут.

Но какой же я доктор? Нужно было отвезти больного в Тикси — там больница. Но якут не захотел лететь на самолете: боялся. Протягивал ко мне руку и настойчиво повторял:

— Полечи сам!

Жалко мне стало якута. Погибнет ведь!

На самолете у нас была аптечка и кое-какие хирургическое инструменты. Я велел принести их.

Услышав, что я хочу «резать якута», мои механики испугались и убежали из дома. Страшно показалось живого человека резать. Да я и сам побаивался. Никогда ведь не приходилось еще делать операцию.

Мы остались втроем в комнате: я, мой штурман Штепенко и больной якут. Прокипятили инструменты и стали готовиться к операции. Руку якута отмыли горячей водой и спиртом. Я волновался, потому что знал, как будет больно якуту. Потом

подумал: лучше ему помучиться — зато, глядишь, жив будет.

Больной мне попался на редкость терпеливый. Он сидел на табуретке, прислонившись к стене, чтобы не упасть. От боли у него, должно быть, кружилась голова. Нахлобучив шапку на глаза, чтобы не видеть, как я буду резать руку, якут пел на своем языке какую-то песню. Зачем он пел, не знаю.

И чем ему больнее было, тем громче пел…

Я отрезал якуту два пальца и забинтовал руку…

Вот так поневоле мне пришлось стать доктором.

Был конец зимы. На маленьком сухопутном самолете я вылетел из Усть-Порта вдоль берега Енисея в Дудинку. Со мной летел механик Исаев и пассажир — женщина Остроумова.

Путь был недалекий, погода хорошая, и мы вылетели, как на прогулку.

Но вскоре вдали показалась какая-то подозрительная дымка; немного погодя самолет стало сильно качать. Надвигался туман, и я еле-еле различал внизу берег реки.

Ветер все крепчал и наконец стал настолько силен, что Остроумова едва не вылетела из кабины.

Делать нечего, нужно садиться и переждать туман. Сели на лед недалеко от берега. Ветер настолько разыгрался, что боялись за самолет: как бы его не унесло. У нас были с собой лыжи. Вкопали их стоймя в снег и привязали самолет.

Дожидаясь, пока лыжи вмерзнут в снег и укрепятся, мы втроем целых пять часов держали самолет руками.

Стало холодно. Сидели под хвостом и, чтобы согреться, пели песни. По-настоящему пела одна Остроумова — у нее голос хороший. А мы ей подтягивали козлиными голосами…

Когда и песни перестали помогать, решили что-нибудь изобрести и укрыться от холода.

Я вылез было на крутой берег, но ветер сшиб меня обратно вниз.

Взяли палки от лыж и стали с механиком копать в крутом снежном берегу пещеру.

Выкопали. Правда, очень маленькую. Втиснулись туда втроем. Я свернулся клубком и уснул. Механик приткнулся ко мне.

Остроумова всю ночь не спала: отгребала снег от входа. Заметет — и не вылезешь!

Утром пурга усилилась. Мы принялись расширять наше

логовище.

Принесли из самолета примус, которым разогревают мотор перед полетом. Сначала растопили в чайнике снег, а потом вскипятили чай. Немного согрелись. Мне очень курить хотелось, а нечего. Высыпал из кармана крошки, смешал с оставшимися крупинками табака, просушил на примусе и закурил.

Настала вторая ночь. Сквозь сон слышал, как Исаев взял у меня из кармана спички и зажег примус. Он то загорался, то опять гаснул.

В нашей пещере стало тепло. Потолок и стены подтаивали, и на нас лились потоки воды. Скоро мы совсем вымокли.

Снаружи с прежней силой свирепствовал ветер.

Под утро примус погас. Исаев разбудил меня и спросил, есть ли у меня еще спички. У меня больше не было. Пришлось сидеть в темноте и чувствовать, как постепенно стынет воздух в нашей пещере.

Мокрая одежда стала обмерзать.

Утром я вылез наружу посмотреть самолет. Его замело снегом.

На ледяном ветре моя одежда замерзла и стала, как железная, — совсем не гнулась.

Третьи ночь была самая страшная. Было очень холодно и хотелось есть. Питались снегом…

На рассвете Исаев услышал вдалеке собачий лай. Потом услышала Остроумова и я. Нас ищут!

Я высунулся в отверстие пещеры и увидел сквозь пургу очертания собачьей упряжки. Раздался выстрел. Мы в ответ закричали хором. Упряжка подъехала к нашей пещере. Послышались знакомые голоса.

Через полчаса мы уже ехали на собаках в сторону Дудинки.

Через полчаса мы уже ехали на собаках в сторону Дудинки.

Скоро нам попалась на дороге охотничья изба. В ней было тепло. Даже жарко.

Разделись, напились горячего чаю и повалились спать.

Спали почти два дня, пока бушевала пурга.

Когда она утихла, мы вернулись к самолету и через час были в Дудинке.

Там решили, что мы заблудились, и выслали на поиски нас людей с собачьими упряжками. Они разъехались во все стороны.

Одна из них и нашла нас.

Глава XIII
НА ПОЛЮС!

В 1936 году отдыхал я на Кавказе, на курорте.

Показалось мне там скучно. Не вытерпел и уехал раньше срока обратно в Москву. Пришел как-то утром в Управление полярной авиации узнать, какие там новости есть. Сидел в кабинете у начальника и разговаривал с товарищами-летчиками.

В комнату вошел Михаил Васильевич Водопьянов, поздоровался со иной и отвел в дальний уголок.

— Слушай, есть одно дельце…

— Какое?

— Слетать нужно в одно местечко…

— А что это за местечко?

— Северный полюс…

И рассказал мне Михаил Васильевич свою мечту.

Полететь мы должны целой эскадрой из больших, тяжелых самолетов, сесть на полюсе, построить там полярную станцию и вернуться обратно.

— Ну как, — улыбаясь, спросил Водопьянов, — полетим?

— Что же тут спрашивать? — только и мог ответить я. — Кто же из летчиков всего света не мечтает попасть на полюс?

И я стал готовиться к экспедиции.

Мы вылетели на полюс 23 марта 1937 года. Почти целый год готовились все участники экспедиции к этому смелому полету.

Нужно было испытать самолеты и решить, на каких лететь, подобрать людей — крепких, здоровых и смелых, приготовить целые тонны всякого снаряжения. Работа закипела.

А я отправился на ледоколе «Литке» из Архангельска во Владивосток Северным морским путем. Мы плыли целое лето. И когда путешествие кончилось, я сошел с корабля очень довольный. Теперь я смело мог лететь на полюс.

На ледоколе я плавал вот с какой целью. Летчику в Арктике нужно многое знать. Совсем недостаточно уметь только управлять самолетом. Чтобы летать без всякого риска, полярный летчик должен очень хорошо знать, как работают моторы его самолета. Иными словами, быть не только летчиком, но, в случае нужды, и механиком. Мало ли что может случиться в далекой дороге, в пустынных ледяных просторах Арктики! Вдруг заболеет механик. В ледяной пустыне не найдешь другого механика на смену больному. Значит, нужно браться за дело самому.

Полярный летчик должен быть хорошим радистом, чтобы

всегда уметь связаться по радио с землей и сообщить, где находится самолет, а в случае несчастья рассказать, какая требуется помощь.

И наконец, самое главное, полярный летчик должен уметь всегда, в любое время суток, безошибочно определить место, где находится самолет. Он должен быть хорошим штурманом.

Зачем нужен штурман на самолете? Представьте себе, что вы летчик и вылетели на самолете, скажем, из Москвы в Воронеж. Перед вами лежит карта полета. На ней чертой проведен маршрут — путь, по которому вы должны вести самолет. Вы знаете, с какой скоростью летит ваш самолет. Скажем, он летит двести километров в час. По пути у вас лежит город Рязань. Он от Москвы как раз в двухстах километрах. Вы летите час и смотрите вниз. Внизу — город. Значит, вы летите правильно.

Но представьте себе, что самолет летит в Арктике. Внизу — однообразная ледяная пустыня. Куда ни глянь — ни деревца, ни кустика. Нет ни городов, ни деревень — ничего. Самолет летит час, два, три. Летит сквозь пургу, сквозь туман, над облаками.

Дует сильный ветер, и вы не знаете, с какой скоростью летит самолет. Перед вами карта, но что на ней изображено? Белая, снежная пустыня… Как же определить, в каким точно месте находится самолет?

Здесь на помощь летчику приходит очень сложная наука — астрономия. Это наука о небе, о звездах, о луне, о солнце. Зная расположение светил на небе, летчик может с помощью особых инструментов очень точно определить место, над которым летит его самолет.

За пять лет работы в Арктике я научился водить самолет в любую пургу, хорошо знал моторы самолета и мог переговариваться с землей по радио. Но мне хотелось получше изучить штурманское дело. Я и отправился в плаванье на ледоколе, с тем чтобы научиться у морских штурманов астрономии.

Я отправился в плаванье на ледоколе, с тем чтобы научиться у морских штурманов астрономии.

Вернувшись в Москву, принялся я готовить свой самолет к полету на полюс. Времени оставалось мало. Весна подступала к Москве. На аэродроме появились лужи, и командование экспедиции торопило с отлетом. Самолеты были тяжело нагружены, и мы боялись, что не сможем подняться в воздух с талого снега.

За день перед отлетом нас позвал к себе Отто Юльевич Шмидт и объявил, что завтра утром вылетаем. Посоветовал всем получше выспаться на дорогу.

Едва стало рассветать, я приехал на аэродром.

В полумраке рассвета грозно маячили вдали фигуры огромных самолетов. Около них, несмотря на ранний час, уже суетились люди.

С краю аэродрома, отдельно от всей эскадры, стоял мой самолет. По сравнению с остальными, он был чуть не вдвое меньше. Вместо четырех моторов у него было только два. Легкий и тонкий, он казался какой-то диковинной птицей, присевшей на землю, чтобы через мгновение опять взлететь.

Сначала думали послать на полюс четыре больших самолета. Но потом решили прибавить к ним пятый, легкий самолет — разведчик. На этом самолете должен лететь я впереди всей эскадры и сообщать по радио, какая по дороге погода.

В девять часов утра я получил приказ о вылете.

Заревели моторы самолета. Я сел на свое место, помахал провожающем рукавицей и захлопнул люк. Впереди меня, в носовой кабине, сидел за своими приборами штурман Волков. Сзади, за перегородкой, куда вела узенькая дверца, копошились два механика. Стартер взмахнул флажком, и самолет с надписью на крыльях «СССР-Н-166», покачиваясь, побежал по снегу. Поднявшись в воздух, я сделал прощальный круг над аэродромом и повернул на север. Через два часа следом за мной вылетели тяжелые самолеты.

Северная воздушная экспедиция началась.

До Нарьян-Мара лететь было хорошо. Погода нас баловала. Нарьян-Мар — наша последняя воздушная станция на Большой земле. Дальше уже начинается настоящая Арктика с ее изменчивой, капризной погодой.

Из Нарьян-Мара мне приказали лететь прямо на остров Рудольфа через море, нигде не останавливаясь. Это очень далекий путь. Поэтому пришлось доотказа загрузить самолет бензином. Он едва поднялся в воздух. Управлять таким тяжело нагруженным самолетом очень трудно. Помимо уменья, нужна и большая физическая сила. Я был одним пилотом на самолете. Помощника нет, и сменить, на случай усталости, некому.

Шмидт приказал мне лететь все время под облаками. А если уж очень будет низко, то пробить облака и лететь над ними.

Взлетел и повел самолет, как приказано. Но чем дальше в море, тем все ниже и ниже становились облака. Самолет летел, как в низком коридоре, сверху на него наседали облака, а снизу очень близко грозились волны открытого моря. Самолет был сухопутный — плавать не мог.

Наконец стало невмоготу. Лететь приходилось, едва не цепляясь лыжами за гребешки волн. Решил пробиваться за облака. Полезли вверх. По тяжело нагруженный самолет не хотел подниматься. Лезли, лезли, уже стрелка прибора показывала тысячу, с лишком метров высоты, а облакам конца все нет.

Дальше лететь нельзя. Вернулся обратно…

На другой день погода такая же. Однако время не ждет.

Опять шли под облаками, опять они прижали нас к самому морю, опять полезли вверх.

На этот раз удалось пробиться. Высота — тысяча триста метров. Внизу — белая пена облаков, а под ними — открытое

море.

Через несколько часов полета увидели впереди торчавшие из облаков острые вершины гор. Новая Земля!

Немного спустя облака вдруг кончились, и мы увидели внизу землю. Сообщили об этом но радио Шмидту в Нарьян-Мар. В ответ получили приказание не лететь прямо на остров Рудольфа, а сесть неподалеку, на станции Маточкин Шар.

Наш самолет пролетел над Новой Землей и через полчаса опустился на огромное снежное ноле полярной станции. Через четыре часа сюда прилетели остальные самолеты. А ночью над станцией разразился страшный снеговой шторм. Качались мачты радиостанции. Ветер ревел ни разные голоса в антеннах и расчалках. Бесконечные тучи снега метались в воздухе. Казалось, что со всей Арктики собрался ветер, чтобы не пустить нас дальше, засыпать снегом, заморозить, растрепать самолеты…

Три дня пришлось ждать хорошей погоды.

Когда я взлетел, чтобы продолжать путь на остров Рудольфа, то оттуда сообщили но радио: погода скверная, и садиться там нельзя, потому что весь остров окутан туманом.

Однако я полетел, рассчитывая, что, пока прилечу на остров, погода улучшится.

В Арктике так часто бывает. Погода там иногда меняется буквально на глазах. Только что было ясно, и вдруг налетел снежный шквал. Завыл, замел все снегом и умчался прочь так же быстро, как и появился.

Самолет летел над Баренцовым морен высоко над облаками. Через час полета нас догнала радиограмма от Шмидта с приказанием прекратить полет и сесть на аэродром мыса Желания. Значит, погода на острове Рудольфа не улучшилась.

Я закрыл газ и повел самолет вниз, в облака, чтобы пробить их и увидеть землю. Но едва только самолет опустился в облако, как сразу обледенел. И какие-нибудь две-три минуты он покрылся слоем льда.

Страшная тяжесть обрушилась на самолет и потянула его вниз…

Куски льда, срываясь с пропеллеров, барабанили по обшивке. Весь самолет вдруг задрожал, как в лихорадке, и, казалось, еще минута, и он развалится на куски. Я напряг всю силу и, вместо того чтобы итти вниз, выкарабкался опять за облака… Скверное положение! Вперед лететь нельзя — погода плохая, и сесть нельзя: воткнешься опять в облака и обледенеешь. Хорошо, что на этот раз счастливо обошлось. Успел вылезти из облаков. Если бы растерялся, то — конец! Пришлось повернуть назад, пройти над облаками, отыскать в них окошко, юркнуть туда и уже под

облаками добраться до аэродрома мыса Желания.

Сел и стал ждать: когда мне прикажут по радио лететь дальше. Погода была хорошая, и я досадовал, что нельзя лететь, потому что на острове Рудольфа она все еще была плохой.

А когда там настала ясная погода, у нас на мысе Желания испортилась. Опять лететь нельзя. Пришлось просидеть без дела еще лишние сутки.

Вот как трудно летать в Арктике!

Наконец все самолеты слетелись на остров Рудольфа. Этот остров — последний клочок суши. Дальше к северу до самого полюса расстилается Северный Ледовитый океан.

Несмотря на то, что путь до Рудольфа был не легким, все мы знали, что самое трудное еще впереди.

Глава XIV
НАД ПОЛЮСОМ

Прилетели мы на Рудольф и стали ждать хорошей погоды. Без хорошей погоды не полетишь. А если и полетишь, то рискуешь попасть в неприятное положение и, чего доброго, назад не вернешься.

С нами в экспедиция летел Борис Львович Дзердзеевский — синоптик. Его обязанностью было предсказывать погоду. Это очень сложное дело. Но Борис Львович так верно определял погоду, что получил от летчиков прозвище «бог погоды». Как он скажет, так и будет.

Бывало спросишь утром:

— Можно лететь сегодня?

Борис Львович посмотрит на свои карты, на бумажки, исписанные какими-то цифрами, вздохнет:

— Сегодня? Нет, не советую…

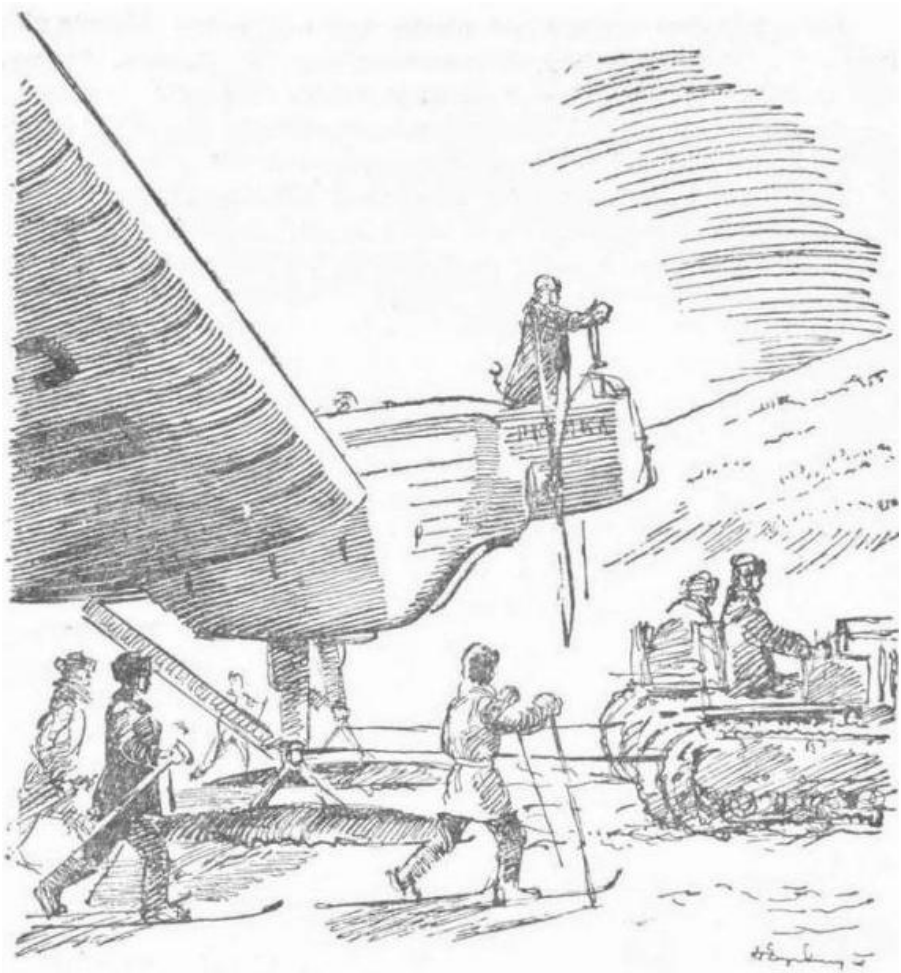
И начнет рассказывать, какая впереди погода, какие облака, откуда дует ветер, где идет снег, где есть тукан. Будто он хозяин всему: и снегу и ветру — всей погоде.

Наступило 5 мая — замечательный день в моей жизни.

Вечером накануне Борис Львович шепнул мне:

— Кажется, завтра я вас выпущу погулять…

Утро пришло ясное, солнечное. Зимовка ожила, зашумела. Два гусеничных трактора подцепили мой самолет и потащили на высокую гору, где был аэродром. Следом за ним, кто на вездеходах, а кто просто на лыжах, побежали участники экспедиции.



Два гусеничных трактора подцепили мой самолет и потащили его на аэродром.

Я вылетал на разведку к полюсу. Подошел улыбающийся Борис Львович, предупредил:

— Особенных надежд на погоду у меня нет. Возможно, что самого полюса вы не увидите — он будет закрыт облаками…

Действительно, «бог погоды»! Отсюда видит, что на полюсе! За девятьсот километров!

Мне предстоял тяжелый путь. По этому пути еще никто никогда не летал. Неизвестно, что впереди. Я должен проложить воздушную дорогу остальным самолетам, проверить, как будут работать на полюсе различные приборы и инструменты. Как будет слышно радио. Можно ли на полюсе сесть тяжелым самолетам. На все эти вопросы я должен дать точный ответ.

Механики молча заканчивали последние приготовления к полету. Моторы уже прогревались на тихом ходу. Блестящие лопасти винтов с гулом рассекали воздух.

Штурман Волков уселся на свое место и развернул карту полета. На карте — большое белое пятно. Сюда еще никогда не ступала нога человека… Полюс! Советская страна послала нас, чтобы стереть это пятно. Полюс должен стать советским!

Провожающие столпились около моего самолета. Прощались, желали счастливого пути. Водопьянов еще раз просил, чтобы я повнимательнее осмотрел льдины у полюса. Шмидт уговаривал не рисковать. Я уселся за штурвал, люки захлопнулись, провожающие отошли в сторону… Взмах флажка — и самолет, легко скользнув вниз по склону горы, поднялся в воздух. Остров остался позади. Впереди девятьсот километров неизвестного пути… Шесть часов я должен не снимать руки со штурвала. Это очень тяжело.

Но я знал, что в эту минуту за мной следят миллионы людей — граждан моей родины. За моей спиной — вся Советская страна, И если со мной случится несчастье, где бы я ни был, — все равно выручат из беды…

Перед моими глазами, за стеклом, вздрагивая, покачивалась стрелка магнитного компаса. Она показывала курс, по которому шел самолет. Курс — «норд». Путь на север. Через шесть часов самолет должен быть над полюсом. Первый советский самолет!..

Баки полны бензина, моторы ревут, пожирая километр за километром. Мне радостно было сидеть на своем пилотском месте и знать, что летишь на прекрасной, быстрой, как птица, легкой машине. Летишь и веришь, что непременно долетишь. Иначе и быть не может. Ведь эту машину делали не за границей, не чужие руки, а тысячи советских рук. Каждый винтик не один раз просмотрен и проверен людьми, которые знали, куда полетит эта машина и зачем она полетит. И моторы работали, как хорошие часы. Казалось, что в них бьется большое сердце людей, которые сделали эту машину. Я знал, что она меня не подведет — домчит до полюса. Впереди, в своей штурманской рубке сидел Волков. Молодой человек, еще совсем юноша, а уже штурман, которому доверили такое важное дело, как вести самолет к полюсу.

Когда готовилась экспедиция, Волкова вызвали из армии.

Он — военный штурман.

Я сначала недоверчиво смотрел на него. Молод очень! Но потом убедился, что молодость — не помеха.

Волков сидел в рубке спокойный и возился со своими картами, будто сидел у себя дома, а не летел на самолете завоевывать полюс. Когда поворачивал лицо вбок, я видел, что губы он держит «трубочкой», вероятно насвистывает песенку…

Иногда за моей спиной открывалась дверца, ведущая в

отделение механиков. Из дверцы выглядывало добродушное круглое лицо старшего бортмеханика Кекушева. Это мой старинный приятель. Мы с ним не в первый раз летим в далекий и опасный путь. Николай Львович Кекушев — тоже замечательный человек. Когда он в самолете, я спокоен за машину. Для него машина — живое существо. Он за ней ухаживает, как за любимым человеком.

На остановках, после долгого и опасного пути, когда так хочется поскорее куда-нибудь в тепло, хорошенько закусить и выспаться, — Николай Львович не уходил от машины, прежде чем не убеждался, что она в исправности, защищена от ветра, крепко стоит на причалах. Тогда на его широком добром лице появлялась довольная улыбка. Из строгого, подчас придирчивого механика, который иногда непрочь пошуметь и поругаться, он превращался в веселого забавника.

Везде, где бы он ни появлялся — на самых дальних зимниках Арктики, где суровая природа не веселит человека, — Николай Львович приносил с собой бодрость и веселье… И пусть за стенами полярного домика глухая арктическая ночь, пусть трещит сорокаградусный мороз иди завывает штормовой ветер, покрывая окрестности сыпучим снегом, — в домике зимовщиков звучит не переставая веселый смех.

Это Львович сидит у горячего камелька и рассказывает… Он большой мастер на выдумку.

Все свои рассказы он выдумывает. То начнет рассказывать, как он охотился в Индии на тигров. В Индии он, понятно, никогда не был, но рассказывать умеет так, что невольно поверишь этой охоте. Из Индии отправляется Львович в Южную Америку, куда-нибудь в Мексику, и рассказывает, как он там объезжал диких мустангов. Ковбоем был… Или расскажет, как однажды к нему в гости пришла из зоологического сада жирафа. Пришла и остановилась у тротуара. Шея длинная. Головой до третьего этажа достает и стучится в окно. Львович привязал жирафу за оконный крючок, и так она стояла, пока не пришел милиционер и не отправил непрошенную гостью обратно в зоологический сад.

Вместе со Львовичем в кабине механиков — его неразлучный друг Валя Терентьев. Белозубый стройный юноша. Отчаянный физкультурник. У него две любимые вещи на свете: самолет и лыжи…

Еще дальше, в самом хвосте самолета, где очень низко и тесно, сидел, или, вернее, лежал на животе, наш радист Коля Стромилов. Надев наушники, он слушал радиосигналы далекой земли.

Пи-пи-пи! Пи-пи-пи-пи! — пищало в наушниках.

Придерживая одной рукой блокнот, Коля записывал полученную радиограмму:

«Говорит остров Рудольфа… Сообщите, как протекает полет, как слышите нас. Шмидт».

Вырвав листок из блокнота. Коля послал его через механиков мне и принялся выстукивать ответную телеграмму. Далеко на острове Рудольфа, где у радиоаппарата собрались все участники экспедиции, радист принимал сигналы Коли.

Пи-пи-пи! Пи-пи! Пи! Пи!

«Говорит самолет «СССР-Н-166». Все в порядке. Прошли восемьдесят пятый градус. Слышим все хорошо… Стромилов».

Сначала самолет шел над открытой водой; потом стали попадаться отдельные льдины, но чем дальше на север, тем больше их становилось. И наконец под самолетом потянулись сплошные ледяные поля. Ровные, блестящие, кое-где пересеченные трещинами. Э! да на такие льдины можно тесть десяткам самолетов!

«Говорит «СССР-Н-166», — торопливо отстукивал Коля. — Все благополучно… Внизу большие и, вероятно, прочные льдины».

«Говорит Рудольф… Благодарим за радостную весть… Счастливый путь… Шмидт. Водопьянов».

Так, переговариваясь с оставшимися друзьями, мы летели все дальше и дальше на север. До полюса оставалось уже немного. Вдруг Волков обернулся ко мне и показал рукой вперед. Я кивнул головой: вижу!

Навстречу нам медленно и грозно ползли облака. Значит, «бог погоды» и тут не ошибся! Полюс закрыт облаками.

Стромилов сообщил об этом по радио на Рудольф. Там забеспокоились и посоветовали вернуться обратно. Мне же показалось Обидно. Как же так? Быть совсем рядом и не пролететь над полюсом! Вперед!

Самолет пошел за облака. Скорость увеличилась. Облака тянулись под нами, тяжелые, грозные… Я взглянул на часы. Мы летим уже шесть часов с минутами. Самолет шел в районе полюса…

Волков взялся за свои приборы. Потом нагнулся над картой.

Полис приближался с каждой минутой.

Сзади открылась дверца, и показалось улыбающееся лицо Львовича. За его шиной в полутьме кабины блестели в усмешке зубы Вани Терентьева.

Штурман обернулся к нам и торжественно сказал:

— Полюс! Мы забрались на самую макушку земли!

Пи-пи-пи-пи! — пищал радиопередатчик.

«Говорит самолет «СССР-Н-166»… Слушайте! Слушайте! Сейчас прошли над полюсом…»

Самолет описал в воздухе полукруг и повернул обратно.

Навстречу нам летела радиограмма от Шмидта. Начальник экспедиции поздравлял нас с победой…

Обратно мы летели долго. Мешал ветер. Много израсходовали бензина. Я все чаще посылал записки Львовичу, спрашивал, много ли осталось горючего. Баки быстро пустели.

С Рудольфа передавали тоже нерадостные вести. На острове туман. Гора, где находился аэродром, закрыта им так плотно, что садиться туда нельзя.

Боясь обледенеть, я нашел в облаках окошко, спустился вниз и пошел над открытой водой. Бензин кончался. Надвигалась беда. Не успеем долететь — кончится бензин, моторы остановятся, и придется нырять в воду…

Я сидел за штурвалом двенадцать часов. Спутники мои устали не меньше меня. Самолет летел низко-низко над волнами… Неужели придется тонуть?

Дверца открылась, вылез Львович, взял ручной насос и стал перекачивать из бака последние капли бензина. Лицо у него было спокойное, будто ничего не случилось. Он делал свое дело. Пока есть хоть капля бензина, моторы должны хороню работать!

Волков спокойно сидел на своем месте. Жизнь в самолете шла своим чередом. Люди, казалось, настолько привыкли к опасностям, что не хотели думать о них лишний раз. Каждый делал гное дело.

А между тем бензину оставалось на несколько минут полета. Туман сгущался, а острова все не было.

Вдруг впереди показалось что-то черное. Пригляделся — земля… Рудольф!

Через пять минут наш самолет сел на маленький аэродром, у самых домиков зимовки.

Навстречу к нам бежали, спотыкаясь, увязая в снегу, люди: Шмидт, Водопьянов, Шевелев, Алексеев, Молоков… Взволнованные, радостные, они обнимали нас, целовали, тискали в своих объятиях. Они же знали, какая опасность грозила нам!..

Однако все кончилось благополучно.

Дорога на полюс открыта!

Глава XV
НА ЛЬДИНЕ

Тяжелые самолеты готовились лететь на полюс. Задерживала погода. 18 мая меня опять послали на разведку к полюсу. Я должен был пролететь возможно ближе к полюсу и сообщить по радио, какая там погода и можно ли лететь туда эскадре.

В это время на острове Рудольфа светило яркое солнце на безоблачном небе, воздух был тихий, прозрачный. Но погода в Арктике обманчива, в эта тишина казалась подозрительной для нашего «бога погоды» Бориса Львовича Дзердзеевского. Он хмурился и тревожно поглядывал и сторону полюса. Что-то там, впереди?

Самолет «СССР-Н-166» соскользнул с горы и легко поднялся в воздух, держа курс на север. Для меня это была уже «знакомая дорожка». Не в первый раз! Опять могучая песня моторов зазвенела над безлюдными ледяными просторами Центральной Арктики. Опять согнулся над картой штурман Волков. Люди на воздушном корабле несли свою привычную вахту. Радист Стромилов посылал радиосигналы:

«Все в порядке».

Самолет был в пути уже более двух часов. Под нами тянулись бескрайные ледяные поля, пересеченные темными разводьями — трещинами. Торосы сверкали на солнце, как огромные драгоценные камин… Мы прошли уже восемьдесят пятый градус, и, казалось, ничто впереди не могло помешать нам лететь дальше. На самом же деле беда уже подкрадывалась к нам. Там далеко, на севере, горизонт быстро темнел. Скоро уже простым глазом можно было различить отдельные облака. Они темным сомкнутым фронтом, как войско, охватив полукольцом небо, быстро двигались на нас. Беда невелика! Пойдем над облаками! Самолет пошел вверх. Но что за оказия! Облака впереди самолета тоже поползли вверх. Казалось, что самолет лезет на снежную гору. И конца этой горы не видно! Дело плохо. Значит, впереди очень толстая облачность, и неизвестно еще, удастся ли самолету лететь выше облаков. А если не удастся? Самолет попадет в облака и может обледенеть. А я уже рассказывал вам, что это за штука.

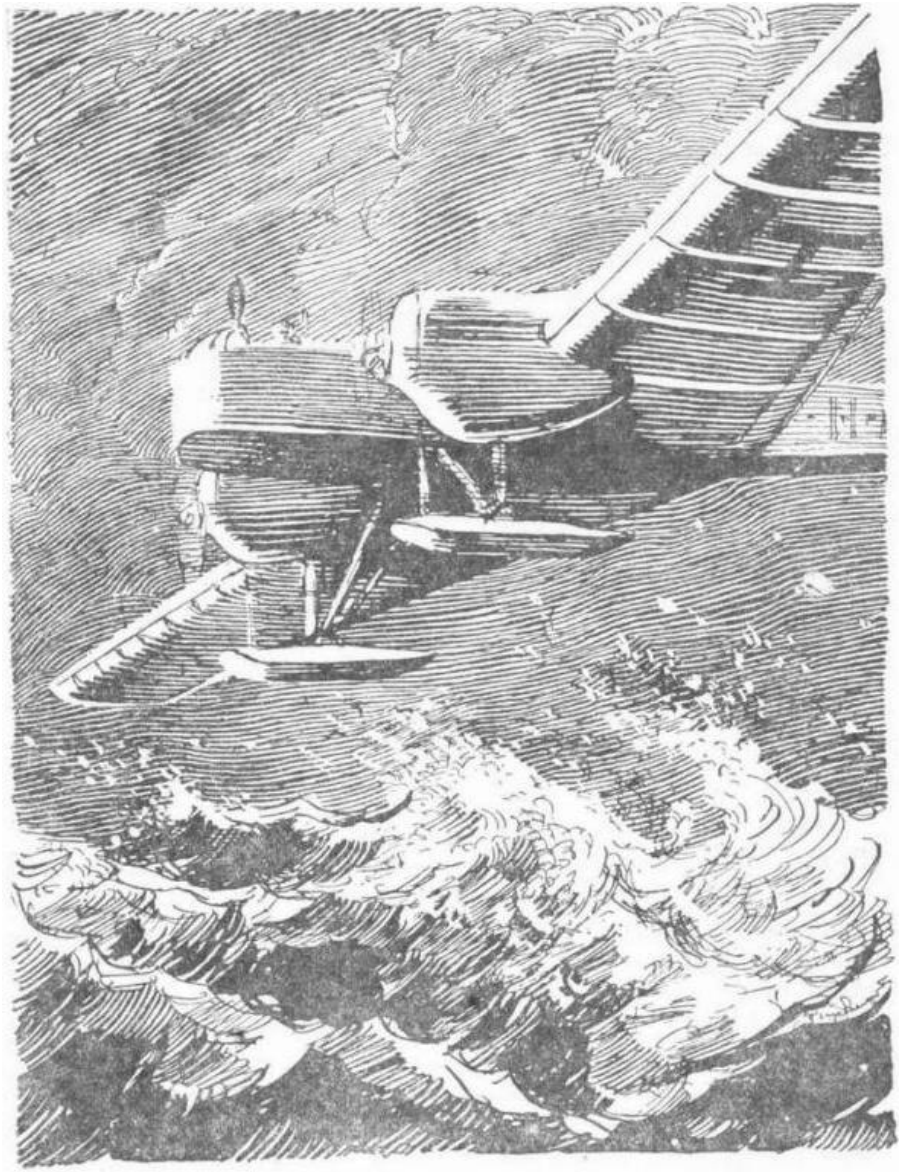
Пока я раздумывал, что предпринять дальше, сзади меня отворялась дверца, и бортмеханик Кекушев передал мне записку

от Стромилова. Радиограмма с Рудольфа от Шмидта:

«Немедленно вернитесь обратно…»

Оказывается, вскоре после моего отлета с острова там быстро испортилась погода. Откуда-то надвинулся туман и с каждой минутой все больше и больше закутывал в свое покрывало остров и окрестности.

Нужно торопиться обратно, чтобы успеть сесть, пока еще видно место посадки — гору, или, как мы называем, «купол» острова. Я сделал разворот и повел самолет обратно. Но расстояние до острова было слишком велико, чтобы успеть долететь туда, пока погода не испортится окончательно. Скоро самолет очутился в ловушке: впереди стеной стал туман, глади путь отрезан облачностью. Некуда лететь… Я нырнул вниз, под туман, и вел самолет над самой водой. Потом попробовал пробить его и выбраться наверх.



Самолет пошел над открытой водой.

Долго и упрямо лезли вверх… Стрелка прибора показывала две тысячи метров высоты, а туману и конца не видно. Такой густой, словно самолет не в воздухе летит, а плывет в молоке. Тонкая корочка льда появилась на кромке крыльев. Начиналось обледенение…

Штурман доложил мне:

— Товарищ командир, мы над Рудольфом…

Это никого не обрадовало. Какой толк, что мы над островом? Ведь все равно спуститься вам нельзя. Туман до самой земли, и садиться в таком тумане — все равно что верная смерть и для

людей и для машины…

А в это время внизу, на острове, мои товарищи, участники экспедиции на полюс, слышали, как шумят вверху за туманом моторы моего самолета. Слышали и очень волновались, потому что знали, какая беда надвигалась на самолет «СССР-Н-166» и его экипаж. И помочь ничем нельзя. Пятеро их товарищей кружились в тумане над островом. Каждую минуту самолету грозило обледенение. А если удастся взбежать обледенения, то на очереди другая бела: выйдет весь бензин. Значит, все равно придется самолету камнем падать вниз…

Вдруг кто-то крикнул:

— Они улетают!

Гул моторов медленно затихал вдали. Самолет, покружившись над островом, опять повернул в океан на север. Это был единственный выход спасти свою жизнь в машину. Над океаном туман был реже, чем над островом. Я решил посадить самолет на льдину и ждать, пока погода опять станет хорошей.

Но как найти в тумане льдину? Я вел самолет низко, над самим льдом. Приходилось больше угадывать, чем видеть. Если внизу темно — значит, открытая вода. Мимо! Если белое пятно — значит, льдина. Но какая она: ровная или в кочках — торосах? Ведь на торосы самолет не посадишь, — сломаешь. Потом подумал: «У краев льдины должны быть неровные. Ведь они, когда плывут, то стукаются друг о друга, трескаются, громоздятся. А в середине должны быть ровные». Выбрал льдину побольше, прицелился на самую середину и повел самолет на поездку. Что-то будет?..

Самолет коснулся лыжами льдины и подпрыгнул — словно испугался чего-то. Потом прыгнул еще и побежал по снегу с каждой секундой все тише. Скорей бы остановился!..

Вот вынырнула из тумана, норовя попасть под самые лыжи, огромная ледяная глыба — «ропак». Едва успел увернуться от нее в сторону. Наконец самолет остановился. Сели!.. Мы вышли на льдину. Велика ли она? Прочна ли? Но об этом не думалось. Главное — сели!

Я приказал никому не отходить от самолета. В тумане легко заблудиться или попасть в полынью. Осматривать льдину будем, когда туман рассеется, а пока нужно устраивать лагерь. Все население самолета принялось за работу. Выгрузили из самолета продовольствие, оружие, резиновую лодку. Механики устроили на льду палатку, разложили в ней спальные мешки. Неизвестно ведь, сколько времени придется просидеть нам на этой льдине.

Через несколько часов на льдине вырос полярный хутор. Стояла палатка, шипели примусы. В воздухе запахло горячим

кушаньем. Коля Стромилов снял с самолета радиопередатчик, установил во льду тоненькую складную радиомачту, пустил моторчик и застучал ключом аппарата. На Рудольф к оставшимся товарищам полетели от нас радиограммы. Мы сообщали, что живы и здоровы. Самолет цел. Сидим на льдине, только не знаем где. Просили о нас не беспокоиться.

Как обрадовались нашей радиограмме на Рудольфе! Как поздравляли нас товарищи с благополучной посадкой! Какую длинную и радостную радиограмму получили мы в ответ!

Напившись горячего чаю, все население «дрейфующего» самолета залезло в спальные пушистые мешки спать.

На вахте остался Стромилов, Он должен был наблюдать за всем: за погодой и за льдиной. Вдруг льдина начнет ломаться или поднимется шторм? Нужно, чтобы все это не застало нас врасплох.

Коли оказался замечательным часовым. Не успел я заснуть как следует, наш часовой поднял тревогу.

Вдруг загремели выстрелы. Один… другой… Ничего не понимая спросонок, я выскочил из палатки.

— Что случилось?..

— Медведь пришел!..

«Хозяин Арктики» очень быстро пронюхал о нашей посадке и поспешил к нам в гости. Коля его совсем не ждал. Поэтому, когда медведь появился среди торосов, наш радист сначала вытаращил на него глаза, а потом, опомнившись, схватил ружье и, не целясь, пустил навстречу «гостю» одну за другой две пули. Медведь, не ожидая такой встречи, пустился со всех ног обратно. Когда я выскочил из палатки, то увидел только пятки и хвост, мелькавшие за торосами…

Мы пробыли на льдине дна дня. Не думайте, что все это время сидели без дела. Работы было очень много. Дожидаясь, пока настанет хорошая погода, мы подготавливали аэродром для нашего самолета. Вооружившись кирками и лопатами, мы расчистили во льду дорожку, по которой мог бы разбежаться и взлететь наш самолет. Приходилось раскалывать на части и оттаскивать в сторону целые глыбы льда. Наконец настала хорошая погода, туман рассеялся.

Мы определили но солнцу место, где находилась наша льдина, и узнали, в какой стороне находится остров Рудольфа. Приготовились взлететь. Запустили моторы, уселись в самолет. Вдруг Волков замахал руками. В чем дело? Я посмотрел вперед и увидел, что наша льдина лопнула перед самым носом самолета. Половинки медленно расходились, и полоса воды между ними все ширилась… Как же взлетать?

Пришлось опять сойти с самолета, повернуть его носом в другую сторону в попробовать взлететь с одной половинки льдины. Это было опасно, однако взлететь удалось.

Через двадцать минут мы уже были на Рудольфе.

Самолета Водопьянова там не застали. Он улетел на полюс.

Глава XVI
ВОЗВРАЩЕНИЕ

Вслед за самолетом Водопьянова улетели на полюс машины Молокова, Алексеева, Мазурука.

На острове Рудольфа стали тихо. Людей осталось мало, в домиках зимовки — просторно. Мы, оставшиеся на острове, скучали и с нетерпением ждали, когда эскадра вернется с полюса обратно.

Наконец настал и этот день. Далеко на горизонте показались три черные точки.

Самолеты!

Один за другим они плавно опустились на аэродром.

Четвертый самолет — летчика Алексеева — не долетел до острова. У него нехватило бензина. Пришлось сесть на льдину на двести пятьдесят километров от Рудольфа. Через несколько дней я на своем самолете отвез Алексееву бензин. В тот же день его самолет «СССР-Н-172» прилетел на остров. Эскадра, завоевавшая полюс, стала готовиться в обратный путь — в Москву.

Нужно было торопиться. Весеннее солнышко с каждым днем грело все сильнее. Весна забиралась в самое сердце Арктики. Снег, раньше твердый, стал рассыпчатым, рыхлым. Лыжи самолета проваливались на талом снегу или прилипали к нему так крепко, что самолет с трудом взлетал.

Назначили день отлета, распрощались с хозяевами острова — зимовщиками — и взлетели.

Обратный путь прошли без всяких приключений. Только подлетая к Амдерме, командиры самолетов получили радиограмму, в которой сообщалось, что аэродром в Амдерме растаял…

Как же садиться? Ведь у наших самолетов лыжи, а не колеса. Мы летели от зимы к весне. С острова Рудольфа мы не могли бы взлететь на колесах со снега. А подлетая к Амдерме, узнали, что нам придется садиться на лыжах в грязь. Что же делать? Вернуться обратно? Кружась над аэродромом, заметили книзу полоску снега. По обеим сторонам ее — голая земля. Страшновато было садиться, однако все обошлось благополучно — сели!

Полоска снега была настолько узкая, что, когда мы пришли на другой день на аэродром, самолеты наши стояли в грязи. Снег весь растял.

В Амдерме мы сменили лыжи на колеса и полетели в

Архангельск. Там нас встретили первые весенние цветы. Весна здесь была в самом разгаре. А всего лишь несколько дней назад нас окружал снег и вечные льды…

Почти три месяца прошло с того дня, когда наши самолеты взлетели с Московского аэродрома, чтобы нанять долгий путь. Нас послали родина, партия большевиков, товарищ Сталин завоевать полюс, сделать его советским, поднять на нем флаг СССР. Мы выполнили боевой приказ: полюс стал советским. Впервые за все время существования земли на макушке земного шара поселились люди. И эти люди — наши, советские: Папанин, Кренкель, Ширшов и Федоров. Ученые, большевики, герои… Их четверо, но за их спиной стоит вся ваша великая страна. Им было не страшно там, на далекой льдине, в самом центре суровой Арктики. Они знали, что за ними заботливо следят советские летчики, моряки — вся родина.

Перед тем как вылететь из Архангельска в Москву, все участники экспедиции долго мылись, брились, чистились: хотелось прилететь в Москву, как на праздник. Мы знали, что нас будут встречать.

К вечеру 25 нюня 1937 года наши самолеты появились над Москвой…

Было ясно и солнечно. Красавица-Москва лежала внизу веселая, нарядная, праздничная. Мы видели сверху улицы, запруженные народом, и нам казалось, что вея Москва вышла встречать нас! А когда, сойдя с самолетов, мы подъезжали на автомобилях к трибунам, где собрались встречающие, первый, кого мы увидели, был наш Сталин!

Он улыбался и приветливо махал нам фуражкой.

— Здравствуй, Москва!.. Здравствуйте, товарищ Сталин!..